

Андрей Леонтьев

Последние менестрели

Красноярск 2016

ББК 84(2=411.2)-5

Л47

Библиотека «Нового Енисейского литератора»

Автор проекта и редактор-составитель — Сергей Кузичкин

Литературный редактор — Андрей Леонтьев

Леонтьев А. В.

Л47 Последние менестрели: Стихи, рассказы.—

Красноярск : ИП Феньков С. С., 2016.— 200 с.

ISBN 978-5-906248-63-3

В новую книгу члена Союза писателей России Андрея Леонтьева вошли как ранее изданные, так и новые стихи, а также дебютные рассказы автора.

ББК 84(2=411.2)-5

© Леонтьев А. В., 2016

© Саввинных М. О., вступительная статья, 2016

© Зеленкина Г. Н., вступительная статья, 2016

ISBN 978-5-906248-63-3

Исповедь менестреля

О стихах Андрея Леонтьева

Споры о существовании и сущности поэзии, о её глубинах и вершинах, о простоте и сложности — старые как мир, но до сих пор актуальны. «Каждый может хорошо творить лишь то, на что подвигла его Муза», — устами своего героя изрёк когда-то Платон. А литературовед Наталья Пращерук совсем недавно поделилась в социальной сети: «Сегодня филолог-третьекурсник Слава сказал: „Поэзия — это не образность, это когда Бога становится больше...“» Дерзко! Но, пожалуй, в этом что-то есть...

Поэт если и не «умножает Бога» на земле, то, по крайней мере, своим бескорыстным трудом подтверждает Его присутствие. Поэзия и есть теодицея? Но тогда чуждое лукавства, открытое и ясное слово утешения и доброты, слово поэта, даже полное печали, — целительно. Это такое снадобье, за которое уже в древности люди кормили и оберегали странствующего певца, ибо он приносил им Бога — в том

обличье и звучании, которые глаз и ухо человеческие способны принять, не сгорая дотла.

Поэт Андрей Леонтьев — как раз один из таких редких в наше время тружеников слова, которым, видимо, свыше дано снабжать одичавшего порой от безысходности и тоски современника универсальными болеутолятелями. Возможно, потому, что самому Андрею претерпевать и одолевать душевную и физическую боль — совсем не в новинку. Но не в этом дело! Я всегда считала, что художественная форма тем совершеннее и чище, чем выше градус её внутренней обработки. «Чисты мои слова — я их в себе сожгла». Стихи Андрея Леонтьева отмечены печатью «самосожжения». Они идут из такой исповедальной глубины, что, кажется, и формы-то в них уже не осталось — чистая лирика, чистая душа... Кое-кто считает это недостатком, но мне за этой кажущейся простотой видна огромная творческая работа, тем более что путь, пройденный Андреем Леонтьевым за последние десять лет, я могла наблюдать с достаточно близкого расстояния.

Да и сам поэт чувствует масштаб своего пути и этой работы:

Отпрохотали бури междометий,
И сжался в точку многоточий ряд.

Слова, что прежде бегали, как дети,
Теперь в строю по-взрослому стоят.

Дух странничества, бесконечного поиска человека (ещё от античной традиции — «днём с огнём»), из которого произрастает эта поэзия, обязательно заражает читателя ответным стремлением, ибо, кажется, нет нынче в искусстве ничего более востребованного, чем жертвенная искренность, напряжённая совестливость и каждую секунду готовая к отдаче человеческая доброта. Собственно, так задан портрет лирического героя этих стихов. Тоска по идеалу («Реинкарнация») находит выход в смиренном приятии и оправдании жизни как таковой — ближних и дальних людей, конкретных, узнаваемых, равно и грешных, и ни в чём не виноватых.

...Знай отсчитывай годы десятками.
Всё быстрее повозку мы гоним.
Обрастая в пути недостатками,
Неприметную совесть хороним.

* * *

Облака плывут далече —
Расхотелось небу плакать.
Просыпайся, человек,—
Новый день. Весна, однако...

При этом речь Леонтьева до такой степени лишена всякой нарочитости, пафоса, настолько полна самоиронии и тонкой (кажется, чисто русской) стыдливости, что трудно представить её в формате «громкой читки» — здесь интонация дружеской беседы, исповеди, выстраданного признания, которое возможно только шёпотом, с глазу на глаз.

Такое исповедальное пространство и создаёт поэт — для себя и друга-читателя. И видит Бог — им хорошо вдвоём.

*Марина Саввиных,
член Союза российских писателей,
главный редактор журнала «День и ночь»*

**«Я на мир этот странный всего лишь
пришёл посмотреть...»**

Это строчка из стихотворения Андрея Леонтьева. А мне так и хочется продолжить: а посмотрев, решил в нём задержаться... И пусть пребывание в нашем мире будет бесконечно долгим.

В своих заметках о поэтах, стихи которых греют душу, я так охарактеризовала Андрея Васильевича Леонтьева:

Завидной обладал сноровкой
стихи писать не кое-как,
а «с чувством, с толком, с расстановкой»,
и в деле был своём мастак.

Писать о его поэзии, с одной стороны, просто, так как она доступна пониманию любого читателя. Стихи поэта легки, звонки и прозрачны, как струйки ключевой воды, которую в знойный день хочется пить без устали. И настроение поднимается, и грусть уходит в никуда после таких строк:

Пусть грязное снежное крошево,
Колочий пусть ветер —

Надейся всегда на хорошее
И думай о лете.

Ни стенаний, ни нытья, ни жалоб на плохую погоду, а только призыв верить в хорошее, что обязательно придёт. Читая стихи Андрея Леонтьева, вдруг понимаешь, что портрет своей души он пишет мелкими штрихами доброты, из них-то в конечном итоге и создаётся тот огромный кладёзь, из которого слов душевных серебро раздаётся всем желающим прикоснуться к прекрасному миру поэзии. И мы зачерпываем из этого кладёзя кто пригоршней, а кто и ковшом богатство, цены которому нет.

Всегда считала справедливым изречение, что «краткость — сестра таланта», поэтому не люблю длинные стихи. Однажды я прочитала два четверостишия, в которых Андрей Леонтьев рассказывает о своём становлении поэта, и строки стихотворения царшнули по душе.

Отрохотали бури междометий,
И сжался в точку многоточий ряд.
Слова, что прежде бегали, как дети,
Теперь в строю по-взрослому стоят.

В котле стихов переварились строчки,
Перевалило солнце за зенит.
...И только в сердце, в самом уголочке,
Струна печали тоненько звенит...

Так описать период творческого роста от восторженного начинающего поэта с бурями междометий «Ох!» и «Ах!» до серьёзного поэта, которому удалось обуздать распалившиеся слова и выстроить их в чёткие строки, способен очень талантливый человек, коим и является, по моему глубокому убеждению, Андрей Леонтьев.

Когда рассмотрим второе четверостишие, то там уже прослеживается попытка подведения итогов в строке: «В котле стихов переварились строчки». И хотя автор утверждает, что солнце его поэзии перевалило за зенит, я ни в коей мере не могу с ним согласиться. Наговаривает на себя поэт из-за ложной скромности.

Должна также отметить, что Андрей Леонтьев — очень корректный литературный редактор, и работать с ним — одно удовольствие.

Говорят, что от большого знания много печали. Это оттого, что у настоящего поэта душа обнажена и болезненно воспринимает даже маленькие неприятности и события, которые обычных людей оставляют равнодушными. Поэтому и постоянно звенит струна печали в самом уголке сердца. А звоном этим пропитываются слова, которые слагаются в строки стихов, вызывающие слёзы.

Редкая пронзительность строк стихотворений Андрея Леонтьева заставляет задуматься и о своём предназначении. Вроде бы и обычные слова, но вдруг — бах в сердце, как стрела Амура. И ты, на мгновение обездвиженная, вдруг начинаешь ощущать себя мухой, попавшей в паутину строк из нитей жизни поэта. И тебе уже не хочется слушать стихотворное жужжание сородичей, а своё собственное жужжание уже не кажется столь значительным, как внушала себе раньше. Душа твоя распаивается навстречу чужой боли и страданиям, вздрагивая от страха, что ты можешь опоздать предупредить и уберечь. Но уже следующее четверостишие мелькнёт как луч надежды, и ты успокаиваешься и даже улыбаешься, заметив сияние строк, которое так редко сейчас можно увидеть даже в стихах популярных поэтов.

Счастливцев тот, кто, шелуху провеяв,
Во дни потерь, что часты и горьки,
Зерно любви отыщет — и поверит,
Всей нелюбви вселенской вопреки...

Разве не защемит сердце, когда читаешь стихи о матери, которые у поэта написаны не привычными уже слуху штампами, а по-новому, свежо и с такой силой сыновней любви и заботы, которой и должна быть окружена каждая женщина-мать?

Давай-ка присядем рядышком,
Родная моя, хорошая...
И больно в душе, и радостно —
Как будто вернулся в прошлое.

Не будем лукавить, а честно признаемся себе в том, что мало времени уделяем своим постаревшим матерям. Несёмся по жизни без тормозов, всё суетимся и спешим куда-то, а нет чтобы вот так присесть и поговорить с самым дорогим человеком. Ведь время неумолимо. Хочется поговорить по душам, да не с кем. Не думаю, что всех, кто прочитает стихотворение «Мама», оно заставит пересмотреть своё отношение к родителям, но то, что кольнёт в сердце многих, нет сомнения. Но ведь задача поэта и состоит в том, чтобы не дать человеку превратиться в зомби, а для этого и надо постоянно пробуждать в нём лирой чувства и мысли. Смело заметить, что плохие стихи калечат нравственность.

Андрею Леонтьеву повезло в том, что, «скрипя колёсами кривыми, судьбы невзрачная кибитка» везёт его по правильному пути служения Её Величеству Поэзии.

А с другой стороны, писать о поэзии поэта, который нравится, трудно, так как могут заподозрить в необъективности. Но те, кто меня хорошо знает, не поверят, что я способна на лесть. Как можно льстить, когда читаешь:

Андрей Леонтьев

Он хотел бы душе покоя —
И покоя хотел бы телу.

Тут хочется слегка поругать, чтобы не раскисал.
И привести в пример строки Александра Блока: «И веч-
ный бой! Покой нам только снится...»

От всей души хочу пожелать Андрею Васильевичу
опубликовать свою новую книгу стихотворений на ра-
дость своим друзьям и верным читателям.

А закончить обзор понравившихся стихотворений
Андрея Леонтьева хочется такими строками:

Кто-то борется с рассветом,
кто-то с сумерками дружит.
Он же верен всем заветам
тех, кто честно Музе служит.

*Галина Зеленкина,
член Союза писателей России, действительный
член Петровской академии наук и искусств*

Внутренний храм

* * *

Я на мир этот странный всего лишь пришёл посмотреть,
Посмеяться, быть может, над ним с безрассудством глупца.
Но впечатался намертво в жизнь шутовской мой портрет,
На котором нельзя уловить выраженье лица.

То вовсе хохочу непонятно над кем и над чем,
То слезами горячими камень судьбы окроплю,
То наморщю чело из-за тяжкого груза проблем...
А потом оказалось, что мир этот просто люблю.

А потом оказалось: увяз в этой жизни по грудь,
И реальности чашу мне выпить до дна предстоит.
Я на мир этот странный пришёл на минутку взглянуть —
Но на целую жизнь затянулся мой краткий визит...

* * *

Когда вдруг однажды — случайно, внепланово —
Пораню я сердце об острое лезвие,
То будут смотреть на меня как на пьяного
Спешащие мимо прохожие трезвые.

Ступая с трудом тротуаром заплёванным,
Как будто ногами босыми по угольям,
Пройду я сквозь город, в мораль замурованный,
Сгибаясь от боли, а больше — от ругани,

Что в спину вошьётся мне клювами воронов,
Учуввших кровь и с балконов летающих...
И путь мне один — на четыре все стороны,
Но Тот, наверху, подмигнёт понимающе —

И я устою на ногах перед взглядами,
Свой след окропля кровавой дорожкой,
И вырвусь на волю из города смрадного —
Пристанница чистеньких «ангелов» с рожками.

А после, бредя вдоль реки по течению,
Котомку обид и усталости скину я.
Усмешкой давясь и ища облегчения,
Вдруг выплюну в воду ругательство длинное.

Отпустит... и рана, конечно, затянется.
Но сколько же раз повторится подобное...
Сквозь зубы бросают презрительно: «Пьяница...» —
В упавших от боли сограждане злобные.

Похоже, так просто удобнее...

* * *

Запрягли, помолились, поехали.
Губы сжаты, и лица серьёзны.
В многотрудной дороге до смеха ли?
Вереницей проносятся вёсны —

Знай отсчитывай годы десятками.
Всё быстрее повозку мы гоним.
Обрастая в пути недостатками,
Неприметную совесть хороним.

Нет, не сразу: по крошке, по зёрнышку,
Как из торбы худой — под колёса...
И темнее становится солнышко,
И глядит исподлобья и косо.

Из крупниц, что роняем беспечно мы
В грязь дорожную, не замечая,
Дружно всходят ростки бессердечия,
Умножая земные печали.

...А дорога всё вьётся и тянется,
Седоков приближая к итогу.
И повозка — тоскливая странница —
Притормаживает понемногу.

Тпру-у, приехали! Вот и конечная.
Что ж осталось за пыльной спиною?
На полоске земли искалеченной —
Сорняки неприступной стеною...

* * *

Беззастенчиво и бесстрашно
Ковыряюсь в своём нутре...
Да простит меня день вчерашний:
Нынче я уж не в той поре,
Чтоб лететь безоглядно в омут
Так манящих к себе страстей.
Сам собою, увы, не понят,
Проскочил я по жизни всей.
Как врага, сам себя губил я,
Другом добрым себе не стал,
И давно разлетелось пылью
То, о чём пацаном мечтал.
Но прожить не дадут повторно —
Парень, в грусти своей уймись!
Полосою одной лишь чёрной
Не исчерпывается жизнь.

Ты не рви на себе одежды,
Шугани безысходность: брысь! —
И отчаянною надеждой
В эту скользкую жизнь вцепись.
Да простит меня день вчерашний:
Я, как ведьму, его — в огонь.
На изрытой копытом пашне
Поскрипит ещё старый конь...

Подсмотренное

Человек стоит с улыбкой на паперти,
Рупь монеткой на протянутой длани...
Он не помнит ни отца и ни матери
И высоких не имеет желаний.

На давным-давно не мытую голову
Не снисходят философские мысли:
Не до них, когда корёжит от голода —
Как и ранее, и ныне, и присно.

Но стоит вот и, гляди ж, улыбается
Миру вечному и смотрит на небо,
С днём вчерашним беззаботно прощается,
Дню сегодняшнему рад, словно хлебу.

А о завтрашнем к чему беспокоиться?
Как спланирует Господь, так и будет.
Будет пища — в благодарность помолится,
Ну а нет — не поминай лихом, люди.

Почему-то отпечаталась в памяти
Та картина и никак не отстанет:
Человек стоит с улыбкой на паперти,
Рупь монеткой на протянутой длани...

Слепой старик

Одинокий старик у раскрытого настежь окна...

А вокруг в суете бесконечной торопятся люди.

Но старик их не видит: закрыла давно пелена

Пятна выцветших глаз —

яркий свет их уже не пробудит.

А толпа всё бежит — диалектика жизни горька:

Что за дело толпе до чужого, далёкого горя?

А старик вспоминал молодого того паренька,

Что когда-то мечтал о бескрайнем, загадочном море,

Что когда-то хотел дотянуться до края земли

И изведать на вкус путешествий солёную пищу...

Память в прошлого даль окунулась, и в этой дали,

Обессилев, душа утешенья и радости ищет.

...Шум бурлящей толпы.

И в окне одинокий старик...

Провозвестники жизни —

и близости мига прощанья...

И летит от стекла нестерпимо пылающий блик,

Прожигая собой меж мирами двумя расстоянье...

* * *

Не прогнать, не рассеять тоску по наивным годам,
Где себя обретал через чтение «правильных» книжек,
Где, воспитан в безбожье, ты строил свой внутренний храм
И, не зная молитв, тем не менее к Богу был ближе...

Ныне всё на виду, и, церквей мириады отстроив,
Толпы слуг всенародных в них шествуют, как на парад.
Ныне время других — чёрно-белых жестоких героев.
Полутени не в моде: для века они — неформат.

Пробиваясь локтями, стремятся вперёд, к алтарям,—
Нажит в битвах за место под солнцем
рефлекс этот чёткий,—
И вздымаются ввысь, куполами золотыми горя,
В виде взятки Ему — их зелёные тыщи и сотки.

Нет, никак не рассеять тоску по наивным годам,
Где, воспитан в безбожье,
ты строил свой внутренний храм...

К чертям

Я проситься буду в пекло адово...

П. Лиснянская

Я проситься буду в пекло адово
В скорбный час, когда «сыграю в ящик».
Надо бы давно чертей порадовать —
Бросят пусть меня в котёл кипящий.

По кругам проволокут пусть Дантовым
Равнодушно — дело-то привычное.
И не спросят: «Что ж такого сам-то ты
Натворил по жизни неприличного?»

Раз не спросят — значит, не отвечу я,
Как хотел хорошим быть и правильным,
А ещё — как душу искалечили
Да во что-то злое переплавили...

Я проситься буду в пекло адово,—
Эй, подбавьте жару, черти-братцы!
Одарите высшею наградою —
Дайте мне с собою рассчитаться...

* * *

В непрерывной сумятице мелких и суетных дел,
В череде телефонных звонков и пустых эсэмэсок
Забываешь о том, кем быть в детстве далёком хотел,
За деревьями фальши — не видишь высокого леса.

Устоялась судьба, не довлеет кармический груз,
Всё идёт хорошо по накатанным рельсам уюта.
Избавлялся, как мог, ты всю жизнь от ненужных обуз,
То кого-то предав, то подставив подножку кому-то.

И в финале пути, обихожен, ушпитан, богат,
Ты окликнешь людей, норовя поделиться успехом,
Но в пустынное поле упрётся тускнеющий взгляд,
Да старуха-судьба разразится язвительным смехом.

Нет, весь я не умру...

А. Пушкин

Столько лет растил невозмутимость
Я в себе без умысла и зла,
Но шальная тётка — одержимость —
Вдруг в толпе людской меня нашла
И вцепилась пальцами-клещами
Прямо в горло — хрустнул мой кадык,
И дымок сомнения, спущаясь,
В душу непутёвую проник.
Поддалась душа моя соблазну,
Встрепенулась флагом на ветру...
Понял я, что этот дым — заразный,
И, быть может, скоро я умру.
Но умру не весь: умру я прежний —
Равнодушный, правильный, пустой.
Сквозь меня другая тень забрезжит,
В силуэт оформившись густой.
И тогда, мосты навек сжигая,
Прямо на глазах, средь бела дня,
Я исчезну, тело уступая:
Тот, другой, всё скажет за меня...

Капает с карнизов крыш водица...
Капают с карниза жизни годы...
Не умыться ими, не напиться —
Так распорядилась мать-природа.
Годы, годы... Что же вы снежинкой
Таёте на солнышке закатном?
В памяти вас крутим, как пластинку,
Да не в силах развернуть обратно.
Где вы, годы? Но молчат, родные,
Не дают ответов на вопросы.
Только сердце всё хранит донныне
Шум берёз и утренние росы,
Поцелуи, первые свиданья,
Первые удачи и потери,
Светлые, наивные мечтанья.
Неужели в прошлом всё?.. Не верим
И глядим вперёд, надеясь тщетно,
Что былое снова повторится...
Годы, вы всё так же безответны —
Не умыться вами, не напиться...

Одни из нас

История без личностей мертва —
Идёт сюрплас:
Её вершат герои и злодеи —
Одни из нас.

Добро и зло творят попеременно —
Извечный бой!
И кровь течёт, как будто рвутся вены
Земли самой.

Взираем снизу вверх на эти игры:
Кто победит?
Народ — трофей в жестокой схватке тигров,
Народ — молчит,

Забыв, что те — одни из нас, и только.
Эй! Стоп, игра!
В большую роль перескочить из рольки
Давно пора

И богочеловеческого сына
Услышать глас:
Христос ведь тоже был наполовину
Одним из нас...

Оглянись

Нам оглянуться некогда: бегом, бегом, бегом!
Идёт игра с Фортуною, и на кону всё чаще
Не трепетность душевная — мечтаем о другом:
О некоем подобье синтетического «счастья».

Нам оглянуться некогда — в круговороте дел
Отбрасываем лишнее, мешающее цели:
Не до «телячьих нежностей» — остался сам бы цел,
Когда душа измотана и нервы на пределе.

Нам оглянуться некогда — на близких, на друзей.
Черствеет сердце медленно, как ситного краюха...
Быть может, доберёмся мы из пешек до ферзей —
С душою, превратившейся в ослепшую старуху...

И воздастся...

Припомним прошлое — и рады,
Коль за свершённые дела
Перед людьми не прятать взгляда
Святое право жизнь дала.

Но самый главный дар порою
Трудней бывает заслужить:
Не прятать глаз перед собою.
За это право стоит жить...

Он хотел...

Он хотел бы душе покоя —
И покоя хотел бы телу.
На веку повидал такое,
Что с катушек давно б слетело
Измытарившееся эго,
Если б капельку был слабее,
Если б не было оберега —
Не подковы, не скарабея,
А всего-то простой усмешки
Над собою да над судьбою.
Не желал он в ферзи — из пешки,
Увлекало его другое.
Был когда-то силён и молод,
Было удали под завязку,
Жизнь крутого любил посола,
Лез в опасности без опаски.
Но настал момент – под раздачу
Он попал, и ещё, и снова.

И всё чаще *его* удача
Находила себе другого...
Он хотел бы душе покоя,
Эта мысль показалась здоровой.
На веку пережил такое,
Что имел бы на это право.
Но в желании, всем понятном,
Затанлась одна загвоздка:
Что-то тащит его обратно
С тихой улочки к перекрёстку.
И плевал он на степень риска,
Если ветер сигналит горном
И глотками, как добрый виски,
Обжигает сухое горло.
...На покой он имеет право,
Да покой для него — отравя.

* * *

Не секи меня розгами, время,
отложи, дай чуток отдышаться.
Мне ещё повидаться бы с теми,
с кем легко и молчать, и смеяться,
с кем и спорить для сердца не в тягость —
только кровь веселее по жилам,
кто на подлость — неистовый скряга,
на душевность — беспечный транжира.

Я прошу тебя, время, помедли —
уступи моей маленькой просьбе.
Избежать твоих мрачных отметин —
нет задачи сложнее... и проще.
Ведь прошу не бессмертья, не злата —
лишь отсрочки для духа и плоти,
чтобы вновь ощутить, как когда-то,
глаз родное сиянье напротив...

Часы

Всё крутится и крутится, точь-в-точь электровертел,
Коротенькая ось с насаженными стрелками:
Часы напоминают человеку, что он смертен —
С успехами его и горестями мелкими.

Часы напоминают человеку о цейтноте,
В котором жизнь его находится с рождения,
О том, что пересадок не предвидится в полёте
До самого конца, до пункта назначения.

Часы напоминают: расточительность не к месту,
И медлить ни к чему с добром и милосердием...
Играется мелодия судьбою в темпе престо —
Но глух к ней человек в надежде на бессмертие...

* * *

День и ночь, свет и тьма —
Как эффект стробоскопа...
В сменах яви и сна
Мчатся годы галопом.

Затуманился старт
Флёром времени тонким,
Но остался азарт
Увлекательной гонки.

Что на финише ждёт —
Не предскажет оракул.
Головою вперёд
В жизнь летим, словно в драку.

И, как золото Гобсек,
Опыт жизненный кошим —
А недолгий наш век
Всё несётся галопом...

* * *

Под небесами голубыми
Везёт меня не слишком прытко,
Скрипя колёсами кривыми,
Судьбы невзрачная кибитка.

Впряжён в неё усталый мерин,
Трусит уныло и покорно.
И мерин этот не намерен
Менять трусцу на бег проворный.

Но не ропщу, не понукаю
Я безответного конягу:
Ведь жизнь, какая-никакая,
Всё ж ковыляет шаг за шагом.

Лишь иногда, в мечте несмелой,
Воображу, что подо мною
Крылатый конь несётся белый,—
И от глухой тоски завою...

* * *

Как шёлковую ткань
 в отверстие кольца,
Мы продаваем жизнь
 сквозь рамки всяких правил,
Стремимся в миг любой
 не потерять лица.
Но кто же не терять
 нас души бы заставил?

Изъеденные ржой
 жестокости и лжи,
Кричат и бьют крылом,
 как раненые птицы,
Кидают камни в них
 и мечут в них ножи —
А мы всё бережём
 и холим наши лица...

Керосиновая лампа

Ты снова с друзьями. Мерцает во тьме
Уютный огонь керосиновой лампы...
Душою оттаять и сблизиться нам бы
Назло подходящей к порогу зиме.
Душа — как огонь, а огонь — как душа:
Тепло отдаёт и от ветра трепещет...
Есть в жизни простые, понятные вещи —
Ты сядь и подумай о них не спеша.
Подумай и вспомни пожатия рук,
Улыбки открытые, дружеский хохот,
Мгновенную помощь, когда тебе плохо —
Нет штуки надёжней, чем преданный друг.
Здесь лишними будут казённые штампы,
Здесь важно тепло понимающих глаз —
Ты вспомни об этом, пока не угас
Живой огонёк керосиновой лампы...

Зазеркалье

Не хуже я, но и не лучше прочих,
И жил как все — в обыденности дел,
Но жизнь, как железяку, раскурочив,
За призраком туманным полетел.
Он поманил — вначале будто в шутку,
И сила воли сгнула во мне:
Я не услышал голоса рассудка —
Теперь живу как будто в странном сне.
Всё то, что вижу, — зыбко, нереально:
Круговорот людей, событий, слов...
И что-то сбилось в матрице ментальной,
И разум оказался не готов —
Пришёл мой разум в полное смятенье...
А память подло бьёт исподтишка,
Приоткрывая ход для отступленья,
Хоть меньше он игольного ушка.

Живу на грани яви с зазеркальем...
Назад нельзя — там пустота и смерть.
А впереди — непознанные дали,
И не понять — трясины или твердь.
Вопрос открыт. И спорит подсознанье
С самим собой, оря до хрипоты...
А сердце... что ж! Быть агнцем на закланье —
Его удел до гибельной черты...

Капля

Бесконечность пространства нас манит —
Даль галактик, планетная пыль,
И кружим мы лихую кадрили
На космической звёздной поляне.
Но когда поутру, спозаранку,
Тёплый дождик прольётся с небес,
Мы увидим одно из чудес,
Побывав на обычной полянке.
Капля влаги на веточке тонкой
Чуть дрожит и вот-вот упадёт,
И в лучах восходящего солнца
Отражает в себе небосвод.
Словно в древней магической книге,
В ней Вселенная заключена!
И поймём мы: да вот же она —
Бесконечность, застывшая в миге...

Полёт

Летел по жизни, словно камень в пропасть,
И было упоительно легко
Испытывать волнующую робость,
Пока до дна казалось далеко.
Отнюдь не камнем, а крылатой птицей
Он мнил себя, свершая сей полёт.
Но краток путь — и шансы не разбиться
Сдвигаются к нулю из года в год.
Ещё немного — и раздастся глухо
Шлепок удара о земную твердь,
И мир отметит сдержанно и сухо
Очередную будничную смерть.
Так жизнь порою прошуршит негромко
И сгинет тотчас в сумеречной мгле,
Оставив в назидание потомкам
След в виде глупой вмятины в земле...

* * *

Исполнен юного задора,
Остепениться не спешу я.
Глядит рассудок мой с укором,
Как в сердце молодость бушует.
Не соответствует настрою
Давно потрёпанное тело,
Не подчиняется порою —
Да Бог с ним! Что теперь поделать?
Зато я знаю, что покуда
В глазах задорных пляшут черти,
Не поскупится жизнь на чудо:
Я неподвластен буду смерти.
И пусть наивным прослыву я,
Седым и грешным шалопаем,
Судьбу я выберу живую,
Не чью-то роль — себя сыграю.

Последние менестрели

Последние менестрели

Мы, возможно, всю жизнь о своей бы судьбе сожалели,
Если б не дал Господь бесконечную вольность дорог.
Мы идём в никуда — безымянной страны менестрели —
И свой пройденный путь отмечаем зарубками строк.

Мы идём в никуда — только Богу, наверно, известен
Изначальный маршрут, предназначенный именно нам.
И не слышит никто наших грустных и радостных песен,
И никто не пройдёт по оставленным нами следам.

Вымирает, увы, наше племя артистов бродячих,
Ведь иные слова и мелодии нынче в цене...
Но пока мы в пути, мы поём — и не можем иначе,
Память в сердце храня о своей безымянной стране...

* * *

Н. Рубцову

...Он умрёт в крещенские морозы,
Он уйдёт, не признан и не понят...
И в какие б ни вставали позы
Те, кого давно уже не помнят,
Как слюной ни брызгали б обильно,
Всем трезвоня о любви к поэту,—
На невзрачном холмике могильном
Не взрастут их лживые обеты...

...Он умрёт в крещенские морозы,
Он предскажет день своей кончины...
Хрусталём в глазах застынут слёзы
У постигших сути и причины,
И прозреют вдруг: когó теряем!
Чтó теряет бедная Россия!
И, сердца для скорби отворяя,
Тихо склонят головы в бессилье...

...Он умрёт в крещенские морозы,
Надоест ему земная пытка...
И застрянут в горле все вопросы,
Оборвётся тоненькая нитка,
Что с трудом порою, но держала
На сакральном уровне сознания
Плоть певца есенинской державы,
Дух певца шукшинского страданья...

Он умрёт в крещенские морозы...

* * *

Памяти Гоголя

Острым длинным носом
Чуя тайны света,
Ставил он вопросы,
Но скрывал ответы.
Мистикой богаты
Все его творенья,
Жизнь его — шарада,
Смерть его — сомненье.
Он о мёртвых душах
Всё писал упорно —
Но никто не слушал,
И никто не понял.
И в порыве гнева
Сжѐг свои тетрадки,
Струйкой дыма в небо
Утекли разгадки...

Нет давно уж с нами
Автора поэмы,
Вместе с временами
Изменились темы,
Но живёт Манилов,
Плюшкин прозябает,
Золотую жилу
Чичиков копает.
Русь — всё та же тройка:
Мчится без оглядки,
Не прибавив только
Ни на грош порядка...

* * *

Памяти Р. Солнцева

Уходят поэты, уходят писатели
И просто хорошие люди,
Провинции вечные правдоискатели,
Чьё творчество совесть нам будит.

Их души возносятся вверх, в поднебесье, и
С высот наблюдают незримо,
Чтоб мы не предали и не обесчестили
Поэзии светлое имя...

Сомневающемуся

О чём ты говоришь, старинный мой приятель?
Случайностей ведь нет под древнею Луной.
Для каждого из нас найдётся свой читатель,
И то, что можешь ты,— не сделает другой.

Ты опасений всех перелистни страницы,
Прислушайся: ты сам не этого ль хотел?
И всё случится так, как и должно случиться,—
Ведь каждый обречён исполнить свой удел...

На переправе

Сколько в мире людей, столько в нём же и мнений —
О футболе, политике, моде, стихах.
Для одних ты дурак, для других чуть не гений —
Так велик амплитуды оценок размах.

Говорят, только время расставит акценты:
То, что модно сейчас, канет в Лету потом.
Грош нападкам цена, грош цена комплиментам
Перед бездной веков с ненадёжным мостом.

Берег твой — современность со слабеньким зреньем.
За мостом — дальнозоркая память сынов.
Но пройти по нему над рекою забвенья
К вожделенному «завтра» не всем суждено.

Слишком шатак тот мост, продуваем ветрами.
Раз за разом срываются вниз ходочки.
Но в манящую вечность густыми рядами
Всё идут и идут кандидатов полки...

* * *

Отгрохотали бури междометий,
И сжался в точку многоточий ряд.
Слова, что прежде бегали, как дети,
Теперь в строю по-взрослому стоят.

В котле стихов переварились строчки,
Перевалило солнце за зенит.
...И только в сердце, в самом уголке,
Струна печали тоненько звенит...

Не мой монолог

Н. Арбатской

Не называй ты меня поэтессой,
Не бреди:
Творчества мўки, сомнения, стрессы —
Всё позади...

Вижу вдали синекрылую птицу —
Новую цель.
К ней, не щадя, тороплю вереницу
Дней и недель.

Страсти былые, как снег прошлогодний,
С ног отряхну.
Может быть, вновь обретаю сегодня
Веру в весну.

И за прошедшее не извиняюсь —
Повода нет.
Мир изменяется, я изменяюсь —
Вот и ответ.

Не называй ты меня поэтессой —
Это не так.
Время к финалу... закончилась пьеса —
Милый пустяк...
.....
Ночь на исходе. Бессонница злее
Бьётся в висок.
А на столе сиротливо белеет
Чистый листок...

О Хайяме

Мудрец восточный и философ
Хайям, в числе других вопросов,
Особо эти выделял:
Вина пьянящую отраду,
Прелестниц нежную усладу
И жизни горестный финал.

Конечно, многое другое
Мы почитаем за благое
Деянье истинных мужей.
Но с той поры прошло, заметьте,
Без малого тысячелетье —
А всё велик мыслитель сей.

В веках остался он известным
Не математикою пресной,
Но гедоническим* стихом.
Ведь мы — как он: и пьём, и любим,
О бренности земного судим —
И утешенье видим в том.

* * *

И. Царёву

Ушёл в бессмертие поэт,
В своё бессмертье...
Но вы не плачьте, люди, нет,
Вы только верьте,
Что будет светел путь творца
За кромкой Нави.
Он наши души и сердца
Гореть заставил
Своею огненной судьбой,
Своей харизмой.
Помянем дух его святой
За светлой тризной...

Бабочка

Н. Арбатской

Шёл по жизни легко, вразвалочку,
Бормоча ерунду под нос,
Но однажды увидел бабочку:
Не во сне — наяву, всерьёз.
Что-то было в её порхании
Не от мира сего, поверь:
Видел я, затаив дыхание,
В неземные пространства дверь.
Все детьми ведь когда-то были мы,
Наблюдали, смеясь, не раз:
Расписными махая крыльями,
Вились бабочки возле нас.
Но, взглядевшись в неё попристальной,
Я вдруг замер, едва дыша:
Нет, не бабочка это, а чистая
Чья-то трепетная душа.

Преднамеренно ли, случайно ли
Прикоснулась к щеке крылом —
И изведаль я силу тайную,
Словно сказочный добрый гном.
...Повидал в этой жизни всякого,
Но с того заветного дня
Понял истину: стала знаковой
Встреча с бабочкой для меня.
Проникая в миры тончайшие,
Волшебству поражаюсь слов,
Но лететь суждено всё дальше ей —
К перекрёсткам иных миров...
И пускай вокруг понавёрчено
Много лжи и другого зла,
Я, как в детстве, бегу доверчиво
Вслед за тенью её крыла...

* * *

В. Зыкунову

Время нынче прагматичное до ужаса,
Забываем о гробах порой отеческих,
И становятся привычной грязь да лужицы —
Что на улицах, что в душах человеческих.

Даже книги — эти светлые источники —
Превращаются в мусоросборник глянцевого:
По живому режут авторы-станочники,
Словно в землю инструмент втыкают шанцевый.

Свят закон: побольше секса и насилия —
Не хотим, мол, да нужда, увы, заставила...
Пухнет триллеров кровавых изобилие...
Но, на счастье, исключенья есть из правила.

Прочитал недавно книжицу нехитрую —
О деревне, о таёжных похождениях;
Нет в ней выстрелов и кровь не льётся литрами —
И какое ж это, братцы, наслаждение!

Там природы русской магия и мистика,
Снегири сидят на ветках красногрудые,
Там шумит на перекатах речка Лиственка
И волшебным посошком грибник орудует.

Там гостей лесник Максимыч чаем потчует,
Старичок-лесовичок гуляет подлинный,
Веет там теплом и хлебом дома отчего,
Пахнет там вином рябиновым и родиной.

Мне, мужчине, сантименты не положены.
Но читал — и словно небо видел звёздное...
И слезою неожиданной, непрошенной
Отдал дань Поэту, пишущему прозою.

Судьбина

По края наполнио флягу
В ноль десятую ведра
И засяду, и не лягу
Аж до самого утра.
<...>
Вот такая, брат, судьбина
У поэта на Руси.

С. Кузничихин

В одиночку пить приучен,
Но, увы, не тот настрой.
Всё ж насколько было круче —
В тесной кухоньке с тобой.

Пили, чокаясь, «казёнку»,
И слюной бы сам Господь
Изошёл, когда ты тонко
Ледяную рыбью плоть

На столе строгал на закусь.
И под байки на ура
Мы судьбин поэтов ракурс
Обсуждали до утра.

Жестокий век

О мой век полезно-бесполезный —
Золотой, серебряный, железный,
Медный... О, небесный и земной!
Посмотри, что сделал ты со мной...

Н. Ерёмин

Что ж ты, век, с поэтом сделал ныне —
С дум людских властителем былым?
Были — кто брюнетом, кто блондином,
Стали же — кто лысым, кто седым.

Маргарита

М. Булгакову

Всё прошлое отринутو, забыто,
И сброшены одежды —
Летит во тьму нагая Маргарита,
И яркий луч надежды
В вечернем небе путь ей озаряет —
Любовь всегда безумна!
А звуки вальса город заполняют
Торжественно и шумно.
Её любовь — и счастье, и проклятье...
Но брошен камень в воду:
Себя связала с сатанинской ратью,
Чтоб обрести свободу...
Ведь гибнет Мастер — и душа разбита,
Расколота на части...
Над городом уснувшим Маргарита
За ускользящим
 несётся
 счастьем...

Поэт и художник

Б. Турову

Смешение жанров, смешенье видов:
Поэт и художник — «в одном флаконе».
И грех держать на судьбу обиду
За гордое званье «талант в законе».

Когда в Дивногорье встают рассветы,
То двум ипостасям ужиться можно ли?
К перу и бумаге влечёт поэта,
К холсту и кисти влечёт художника...

Конфликт? Вовсе нет, уж будьте уверены —
Друг с другом поладить они сумеют.
Кому небесами столько отмерено,
Тот знает, как оживить Галатею.

Грошовой жизни суть не приемля
Тех, что пируют на пепелищах,
Поэт и художник родную землю
Пытается сделать светлей и чище.

* * *

А. Кобзеву

Вот и ты, мой друг, прорвался в зрелость,
Преступивши юности порог.
В прежней жизни многого хотелось,
Да свершить по возрасту не мог.

Но теперь, в расцвете сил могучих,
О былом неверье позабыв,
Во сто крат уверенней и круче
Ты прочертишь линию судьбы.

Чтоб скорее сказку сделать былью,
Ни к чему синица нам в руке.
Доставай свои, дружище, крылья,
Что лежат на пыльном чердаке.

Их протри, чтоб солнце заиграло,
За спиной как следует расправь
И, сомнений сбросив покрывало,
Преврати несбыточное в явь!

Хрустальный мост

* * *

Пусть грязное снежное крошево,
Колючий пусть ветер —
Надейся всегда на хорошее
И думай о лете.
Пусть снегом душа припорошена
И сердце ледышкой —
Надейся всегда на хорошее,
Не сдайся, малышка.
Согрею дыханием трепетным
Всё то, что застыло,
И что-то из облачка спелят нам
Небесные силы —
Забавное что-то и нежное,
Как детский рисунок...
Пусть грязное крошево снежное
Зима нам подсунет,
И ветер пусть гостем непрошеным
Скребётся под дверью —
Оно где-то рядом, хорошее,
Ты только поверь мне...

Реинкарнация

Я, кажется, вспомнил! Конечно — Алиса!
Та странная девочка из сновидений...
И больше — ни капли напрасных сомнений!
Фигуры — на выход! Проснулась Кансса!..
На сцене судьбы, разрисованной в клетки,
Под парусом тонким надежды на чудо
Спешу я к той самой Алисе оттуда,
Где связаны вместе потомки и предки,
Где смешано всё — и пространство, и время,—
Но память все прежние жизни скрывает...
И вдруг словно током однажды пронзает:
Мы виделись раньше, но были не теми!
Мы были другими с тобою когда-то,
И мир был устроен совсем по-иному,
Но знаю, что так же, любовью влекомы,
Делили мы радости, слёзы, утраты...

...Я, кажется, вспомнил — не всё и не сразу, —
Но где-то в глубинах душевного моря
(Где полный бардак из веселья и горя)
Мелькнуло лицо... И послышалась фраза...
О чём — не понять, только голос — о Боже! —
Знакомый до самой малюсенькой нотки...
Мгновенье б ещё... Но качается лодка —
Сегодня штормит не на шутку, похоже.
Того и гляди, что поглотит пучина
Миров и веков... Но ведь мы же — бессмертны,
И Тьме не добыть ожидаемой жертвы,
В какие б она ни рядилась личины...
...А вдруг показалось? Ища компромисса,
Бросает мне память обрывки скуные...
Мы в жизни земной — лишь котятя слепые.
Но шепчет мой взгляд: неужели — Алиса?..

* * *

И виски в серебре, и года в серебре...
Да за что ж нам такое богатство?
Как же вовремя вспомнил Творец о ребре,
Чтоб могли наши феи создаться.
Так с тех пор и живут, украшая собой
Этот мир, что без них был бы мрачен.
А года — что года? Драгоценен любой,
Если вечной любовью оплачен.

* * *

Из принципа блюдём мы моратории
И на любовь накладываем вето...
Мы чистыми останемся в истории —
Адептами бессмысленных запретов...

* * *

Любовь к тебе дана мне в наказанье
За те грехи, что раньше совершал.
Не уменьшают меру за незнание —
Но я, увы, действительно не знал...

Парадоксально: самым светлым словом
Назвать жестокий приговор судьбы...
К своей любви цепями я прикован
Пожизненно, как древние рабы.

Любовь — без красок, воздуха и света,
В предел одной души заключена.
Как ни кричи — не будет ей ответа,
Как ни стучись — не вырвется она.

Любовь к тебе дана мне в наказанье
За те грехи, что раньше совершал.
Прощенье или всё-таки прощанье
Таит во тьме грядущего финал?..

Нелюбовь

Человек стареет не от возраста...

Р. Заславский

Человек стареет не от возраста...
Что года? Идут себе, сердешные...
А снежком покрывшиеся волосы
Да морщин полоски неизбежные
Нелюбовь рисует окаянная —
Злой художник рода человечьего, —
Словно оборванка вечно пьяная,
Словно рисовать ей больше нечего.
Много лиц у этой мрачной дѣвицы —
Некрасивых, злобных, отвратительных.
Человек беспечен: «Перемелется...» —
В рассужденьях чисто умозрительных.
Но ползут морщинки всё упрямее,
На висках пороша всё тревожнее...
Возраст — штука злая, но не самая:
Нелюбовь намного безнадежнее...

Я вернулся

Я вернулся к тебе — пусть на миг, пусть совсем ненадолго,
В этот город, где мы расставались когда-то навек,
Чтоб прожечь до нутра —

жадным взглядом голодного волка —

И обжечься твоим, и почувствовать кожей, как бег
Миллионов секунд, миллиардов безликих мгновений
Превратится в стекло, и застывший его монолит
Свяжет наши тела, наши души и сердцебиенья,
Чтоб уйти никогда друг от друга уже не смогли —
Ни на малую пядь, ни на мизерный призрак разлуки.
Мы в пространство одно —

и друг в друга корнями вращём.

...Я вернулся к тебе, чтоб твои задрожавшие руки
Прикоснулись к щеке на лице утомлённом моём.

* * *

Счастливец тот, кто, шелуху провеяв,
Во дни потерь, что часты и горьки,
Зерно любви отыщет — и поверит,
Всей нелюбви вселенской вопреки...

«Лунная соната»

...Двое встретились когда-то
В краю неведомо каком,
Звучала «Лунная соната»,
Друг друга руки их тайком
Касались... Нежности, казалось,
Не будет края и конца —
Как чудным звукам, что вливались
Преддверьем счастья в их сердца.
Но... что-то в мире не сложилось —
Расположение ли звёзд,
Судьбы ли горькая немилость
Разрушили хрустальный мост,
И счастье чайкою крылатой
Перелетело в край другой...
И только «Лунная соната»
Плывёт, как вечность, над землёй...

* * *

Порой насмешкой отвечают на любовь...
А мы всё лезем с ней упрямо вновь и вновь.
Но вновь в ответ — лишь унижительный пинок...
И вновь урок пойдёт отвергнутым не впрок...

Так бьются мухи об оконное стекло,
Что их прозрачностью обманной привлекло:
Как ни пыгаются за счастьем улететь —
Барьер невидимый, увы, не одолеть...

О любви

Пусть облаком нежным, тающим
Душа в тебе растворится...
Она хоть и стерва та ещё,
Но тоже хочет — как птица!
Она расправляет крылышки,
Топорщит задорно перья.
И — шаг в пустоту под крышею
С отчаянным криком: «Верю!..»

Дверь во тьму

Настроение

Что-то со мной не так — непонятно и странно.
Со стороны смотреть, наверно, премило:
Тщательно сыплю соль на душевные раны,
Чтобы затем слизать её под текилу.

Что-то вокруг не так — словно сдвинулись оси
Вечных систем, вращавшихся год за годом.
Вместо весны — оскоминно-кислая осень,
Вместо тропы — река без моста и брода...

Кто-то внутри, во мне, всё скребётся и шепчет —
Шумом в ушах, толчками в стенки артерий:
Не шевелись, усни — так значительно легче
В то, что себя найдёшь, самому поверить.

...Вечер. Камин. Тепло. Человек засыпает.
Время, в одеждах мастера дел заплечных,
Тихо по дому бродит — работа такая...
Осень... Потом зима. И до лета — вечность...

Операция

А. Голикову

Бестеневую
 включили лампу.
Наркоза нету...
В сухую глотку
 залить сто грамм бы!
Эй, доктор, где ты?
Но тот не слышит,
 заносит сонно
Блестящий скальпель,
И стол краснеет
 от раскалённых
Кровавых капель...
А этот, в белом,
 глядит с прищуром:
А ну как струшу?
Не плоть мне режет
 рассветом хмурым —
Живую душу.

...И свет погаснет,
я молча встану,
Уйду небрежно,
Слегка шатаясь,
как будто спьяну,—
Уже не прежний.
И боль исчезнет
в душе зашитой...
Я сплону смачно:
Свой долг исполнил
хирург небритый
Вполне удачно...

Реанимационное

Открывается дверь во тьму.
Обжигает морозом тьма...
В безответности «почему?»
Сходит медленно мир с ума.

Ты оглянешься впопыхах —
А двери уж в помине нет.
И ступает пространство страх,
Что исчез безвозвратно свет.

Он расходится из нутра,
Как по чёрной воде круги.
Нет ни вечера, ни утра —
Только ночь, и вокруг — ни зги.

И, готовясь уснуть навек,
Ты молитву прочтёшь не вслух —
Слабый, маленький человек,
Перед вечностью слеп и глух.

Но внезапно в последний миг,
Бросив взгляд в антрацит небес,
Ты едва уловимый блнк
Различишь — и поймёшь: воскрес.

Разгорится твоя звезда,
Непроглядность отринув прочь.
Кровью вновь закипит вода...
В утро вновь превратится ночь...

Сгинул...

Я сгинул где-то в облаках,
Мой след безвестием пропах.
Мой след — безвестье...
Взять ноту верно не сумел —
По стёклам жостью проскрипел,
По стёклам — жостью...

Не вспомнят: «Был такой чудак»,—
И даже: «Мать его растак» —
Не бросят всеу.
Мечтал о чём-то ведь, кажись,
Но прозевал, похоже, жизнь
Как таковую...

Нащупывал успеха нить,
Пытался умно говорить,
Писать красиво.
Но все потуги — дым и тлен.
Вдруг оказалось, что с колен
Я встать не в силах.

Я сгинул где-то без следа,
С душою вышел навсегда
Из резонанса.
Прости, родная,— оплошал.
...И ждёт поникшая душа
Другого шанса...

* * *

Злое бросая слово
В топку бездонной печи,
Сводим мы счёты снова,
Души свои калечим.
Эту подачку с хрустом
Жадное пламя гложет.
Боль обостряет чувства —
Словно сдирают кожу
Сети непонимания,
Злобы слепой тенёта...
Если бы знать заранее,
Если бы сделать что-то...
В мире жестоком люди
Стали жестоки сами:
Каждый другого судит
И раздувает пламя
Дьявольской печи втайне...
...Кто-то, откинув дверцу,
Кусочек угля достанет,
Бывший когда-то сердцем...

* * *

Не хватает солнца, не хватает...
Чёрной пеленой сгустился воздух,
И снежинки, падая, не тают...
Словно в сыпи, небо в тусклых звёздах...
Так душа, наверно, погибает.

Оглянусь в себя, замру, как в трансе,
Подогнув колени к подбородку...
Паникуя, мозг считает шансы...
Эх, хватить бы полстакана водки
Да зайтись в бредовом пьяном танце...

Не хватает воздуха и света,
И по капле медленно сочится
Кровь души безвестного поэта
Строчками на мятые страницы...

* * *

Зноем стали тела их павило,
Разбивало взрывами в слякоть...
На войне солдаты, как правило,
Над смертями старались не плакать.

В передышках между боями
«Козьи ножки» крутили с палец,
Злую горечь утрат горстями
С табаком пополам всыпали.

А потом, в сапогах изношенных,
В гимнастёрках, белых от соли,
Снова шли на гостей непрошенных —
И стреляли, били, кололи...

Дома ждали седые матери...
Дом несбыточной был мечтою...
Но дошли, дотерпели, сладили.
А осколки в телах — пустое!

Им поныне атаки снятся
И товарищей павших лица...
Ни к чему ветеранам святцы —
Всё навечно в сердцах хранится...

Солдаты

Отремела давно уж война,
Затянулись травой воронки,
Потемнели тех лет ордена,
Пожелтели тех лет похоронки.

В День Победы всё меньше бойцов
В строй становится к однополчанам,
Всё сильнее бережём мы отцов,
К боевым прикасаясь их ранам.

Но уходят солдаты от нас,
Унося в бесконечность с собою
То, что в горькой печали их глаз
Пробивалось невольной слезою.

В жарких зимних боях под Москвой,
В ураганном огне Сталинграда,
Прикрывая Россию собой,
Погибали — но так было надо.

Те, кто выжил, врага до конца,
До Берлина до самого били,
И жестокостью стыли сердца
В их груди... Но они — победили!

...Смолк огонь полевых батарей,
Много лет уж не слышно их пушек,
Те девчонки, что ждали парней,
Уж давно превратились в старушек.

Но стоят в поредевшем строю,
Невзирая на старые раны,
Словно в самом последнем бою,—
Той далёкой войны ветераны...

* * *

Взорвался мир! Горячие осколки
Над ухом свищут.
Друг другу люди стали, словно волки
В грызне за пищу.

Под солнцем будто места стало меньше —
Все рвутся в гору,
И нет деленья на мужчин и женщин —
Одни партнёры.

Сегодня ты партнёр, а завтра — недруг
И смешан с грязью.
Один неверный шаг — и ты низвергнут
С вершины наземь.

Всё чаще вместо совести и такта —
Клыки и когти.
В тупой борьбе абсурда и абстракта
Крепчают локти.

Цинизм и подлость рвутся на замену
Законам чести —
Кровавой дланью Каин современный
Свой череп крестит...

Но если не законченный подлец ты —
Держись покрепче.
Пусть нынче честным не грозят аресты,
Но жить — не легче.

А жизнь одна... В низах мы иль во власти —
Равны пред Богом,
Да только каждый выбирает к счастью
Свою дорогу...

* * *

Сколько лишних движений
И напыщенных фраз...
Словно тёмные тени
Всё решают за нас;
Словно мутной завесой
Накрывают глаза
Нам бездушные бесы —
Не пробьётся слеза...
Суррогатные чувства
И замыленный взгляд,
Будто ложе Прокруста,
Всех ровняют подряд.
Но однажды, спросонок,
Без причин, просто так,
Улыбнётся ребёнок —
И рассеется мрак...

Блиқи давнишниҳ зерқал

Друзьям

Простите мне, друзья, столь долгое молчанье:
Как жаль, что в повседневной мелкой суете
Мы часто предаём свои воспоминанья
И соблюдаем в жизни правила не те.

Простите, други, мне забывчивость и лень:
Бываю я беспечным, вечный ротозей.
Всё кажется: смогу я вашу откровенность
Ещё испить до дна — и насладиться ей!

Простите, что никак не соберусь приехать:
Погрязнув в кутерьме сиюминутных дел,
Пытаюсь всё достичь какого-то «успеха»...
Но главного понять, как видно, не сумел...

...Давно окончен день, стихает город сонный.
А память в сердце вновь вонзает коготки...
И символом вины мне в трубке телефонной
Сигналят и сигналят длинные гудки...

Старая липа

Я однажды смогу — и приеду туда, где вырослел.
И пройдуся по двору осторожно и неторопливо,
Где когда-то мальцом вытворял уйму чёртову дел,
Где стоит до сих пор погрузневшая старая липа.

Прислонившись к родному стволу, помолчу постою,
И, погладив рукой осторожно шершавую кору,
Я почувствую вдруг — ненавязчивым, лёгким укором —
Перед временем искренним тем виноватость свою:

Что уехал давно и отъезду бездумно был рад,
Что на долгие годы забыл к этой липе дорогу...
Вообще, в жизни многое я совершал невпопад,
Но приходит пора — и стремишься к родному порогу

Всем своим существом, и неслышно кричишь от тоски,
Как деревья кричат, у которых отрублены корни...
И далёкое детство стучится в седые виски
Бесконечным набатом: не дай позабыть себе, помни!

И глубокою ночью проснусь вдруг в холодном поту —
Заколотится бешено сердце, до стога, до хрипа.
Закурю сигарету — и просто поверю в мечту:
Я однажды приеду к тебе, моя старая липа...

* * *

Эх, Сибирь — бесконечность сосен,
Боль моя и радость моя.
И весна ты в душе, и осень...
Я живу здесь, твой хлеб жуя.

И давно уж привык к морозам,
Не пугает суровый нрав.
Принимаю, как данность, дозы
Хвойно-пряных твоих отрав.

Но сквозь плёнку десятилетий,
Что корнями в тебя врался,
Пробиваются всё заметней
Блики тех, давнишних зеркал.

Пробивается волжский ветер,
Воздух тот и природа та.
Тело держат реалий сети,
Но душою рулит мечта.

В жизни всё устроено мудро,
И не так безнадежна грусть.
Верю я, что однажды утром
На родном берегу проснусь...

Мама

Ох, мама... смотрю в глаза твои,
В лицо твоё постаревшее...
И вся судьба полосатая,
И всё за жизнь наболевшее
Мне видятся в каждой чёточке,
В морщинках твоих изломанных...
Давай-ка открою форточку —
Чтоб легче дышалось в доме нам.
Давай-ка присядем рядышком,
Родная моя, хорошая...
И больно в душе, и радостно —
Как будто вернулся в прошлое.
Здесь время застыло намертво —
Всё в доме твоём по-прежнему.
Я сладкой завесой памяти
Укроюсь от неизбежного...
А ты говори, рассказывай —
Я слушаю, мама, слушаю...

Салфетка под старой вазою,
Диванчик с накидкой плюшевой...
Портреты: вот я, вот братаец мой,
Отец — словно жив и с нами он.
И неторопливо катится
Слеза по щеке по маминой.
Ну что ты? Приляг, пожалуйста,—
Подскочит опять давление...
Нет, время, увы, безжалостно —
Мы все в этом смысле пленники.
Бежим в суете немислимо́й,
О вечном не помня смолоду...
За окнами темень выцвела —
Рассвет поднимает голову.
От дождика моросящего
Уже различимы лужицы.
...Над мамой моего спящего
Невидимый ангел кружится...

Отцу

Отец... Как жаль, что ты ушёл
Туда, откуда нет возврата.
Я помню, было нам когда-то
С тобою вместе хорошо.
Мозоли помню сильных рук,
Гостинцы скромные с полочки
И — как предвестник скорой взбучки —
Шагов твоих тяжёлых звук.
На нашем стареньком пруду
С тобой рыбачили мы часто,
И поплавки из пенопласта
Качались дружно на виду.
Такие мелочи — но в них
Вся прелесть детства проступает,
Их каждый в сердце сохраняет
До окончанья дней своих.

Отец, за то меня прости,
Что нас судьба так раскидала,
Что встреч и писем было мало —
Мне эту боль всю жизнь нести.
Я ехал встретиться с тобой,
Я знал, что этот шанс — последний,
Ведь время мчит всё незаметней —
Я сам совсем уже седой.

...Узнал, приехав: всё, конец —
Слова огнём втекают в ухо.
Земля тебе пусть будет пухом...
Я не успел... Прости, отец...

У порога

Мы все приходим к отчету порогу.
Одни — всегда. Другие — под конец,
Когда до боли хочется потрогать
Избы отцовый рубленый венец,
Когда увидеть хочется до боли
Знакомый свет в слезящихся глазах,
Припасть к рукам в морщинах и мозолях
И главные слова успеть сказать...
Не успеваем... время быстротечно.
И совесть выжигает по ночам
На сердце за несбывшиеся встречи
Глухой необратимости печать.
Простите нас, родные, не со зла мы.
Забывчивость — не смертный вроде грех,
Но глубоко пропахивает шрамы
По нашим душам — и по душам тех,

Кто ждал всегда, но не дождался к сроку,
Кто верил — но был вынужден уйти
И без кого безумно одиноко
На Богом нам отпущенном пути.

Завоет пёс — тоскливо и протяжно.
Труба без дыма, в окнах — темнота.
Ты не успел. Всё прочее — не важно.
Всё прочее — всего лишь суета...

* * *

Когда ты смотришь в око бездны,
А бездна смотрит на тебя,
И всё как будто бесполезно,
И, шлейфом огненным клубя,
Уходит жизнь в глубокий штопор,—
Ты вспомни... вспомни взгляд отца,
И одинокий старый тополь,
Что рос когда-то у крыльца,
И руки матери, которых
Порою так недостаёт,
И куст рябины у забора,
И самодельный детский плот...
Ты вспомни... Вот что основное —
Не деловая суета.
Она — игра. А жизнь — иное.
Тепло нательного креста

Не променяй на блеск холодный
Великосветской мишуры,
И пусть звездою путеводной
Не станут правила игры.
...И бездна — в ямку превратится,
Вдруг обмельчает на глазах,
И незаметно растворится
Кусочком сахара твой страх.
А ведь нужна такая малость!
Ну почему ж ненастным днём,
Когда надежды не осталось,
Мы помним вовсе не о том?..

Пасхальное

Православная Русь, крещёная,
В иорданиях святых мочёная,
На столы ставит яства разные —
Разговляется, Пасху празднуя.
Испаряются беды — вот те крест,
Лица света полны: «Христос воскрес!»
И — как эхо: «Воскрес воистину!» —
И чудес люди ждут таинственных...

...Накануне сыночку маменька
Напевала в уютной спальне:
«Засыпай, мой хороший, спи, сынок!
Я тебе расписала писанок,
Я тебе напекла куличиков,
Чтоб всегда улыбалось личико...»
Спал мальчонка, во сне причмокивал,
А Господь улыбался около...

Родительский день

На кладбищах людно, в церквах — теснота:
Родительский день в России.
Со скорбью бок о бок — шум, гам, суета...
Дай Бог, чтоб *они* — простили.

И стопкой — блины, и свеча на столе
Своим огоньком дрожащим
Сближает живущих на брэнной земле
И прошлое — с настоящим.

Пусть тихая грусть поминальных молитв
Нам души опять встревожит.
Из близких и дальних никто не забыт —
Они нас простят, быть может...

Город детства

Городок босоногого детства,
Неказистый и пыльный мирок...
В нём все люди живут по соседству —
Невелик мой родной городок.
Я брожу по знакомым кварталам —
Стали будто бы меньше дома
И дворы, где под звуки гитары
Мы по жизни сходили с ума,
Где играли, дрались и влюблялись,
И мечтали весь мир покорить,
Как птенцы из яиц, выуплялись
И учились летать, то есть — жить.
Мы стремились на волю скорее,
Перемен загораясь огнём,
И легко, ни о чём не жалея,
Покидали родительский дом.

Как же редки теперь эти встречи
С давней юностью, с лучшей порой...
Приезжаю расправить я плечи,
Словно выпить водицы живой,
Поклониться отцовской могиле
И обнять постаревшую мать,
И о том, как в те годы мы жили,
Вспоминать, вспоминать, вспоминать...

...Вот опять мы надолго простились,
И соринку, попавшую в глаз,
Не могу я смахнуть, как ни силюсь,—
Каждый раз...

Ностальгия

Вся жизнь у нас — борьба,
Нас так учили в школе.
Не лучшая судьба...
Но мало всё ж пороли
Сынов своих отцы,
Вбивая в них науки.
И выросли юнцы,
И подрастают внуки,
Не ведая порой,
Что жизнь — не банка пива
И что не тот герой,
Кто матом гнёт красиво.
Да, правила игры
Заметно изменились,
Но ведь стоят дворы,
Где мы дружить учились,
Где каждый на виду
И честь всего превыше,
Где велик на ходу
И голуби на крыше,

Где дотемна в футбол
Рубились мы с азартом,
И непрменный стол —
И домино, и карты.
Здоровались всегда —
Ведь все друг друга знали,
И двери в те года
Почти не запирали...
...А нынче во дворах
Царят другие нравы:
Шприцов полно в углах
С остатками отравы,
И искренности свет
В глазах всё чаще гаснет,
И теплоты той нет,
Что сеет в душах праздник...
В решётках всё кругом,
Везде стальные двери:
То ль в тюрьмах мы живём,
То ль в клетках, словно звери...

Всё ною и брюзжу
В тисках воспоминаний
И сам не нахожу
Себе я оправданий.
Наверно, я неправ.
Быть может, понапрасну
Я, истину поправ,
Бросаюсь громогласно
На нынешний уклад.
Быть может. Допускаю.
Но кто же виноват,
Что жизнь теперь такая?
Как злые языки
Меня б ни упрекали,
Какие б ярлыки
Ни вешали в запале, —
Ни капли не отдам
Той ностальгии нежной
По прежним временам,
По искренности прежней...

Сминая бесконечность

Подруга-ночь

Потуши свечу, занавесь окно...

К. Фофанов

Потуши свечу, занавесь окно,
К бархатистой мгле прикоснись.
На пороге ночь заждалась давно.
«Проходи, подруга, садись».

О жите-быте ты её спроси
Да свою ей душу открой.
И она поймёт, и она простит
Вины все твои до одной.

А когда увидишь, что вышел срок,
До дверей ты ночь проводи.
«Полегчало, нет?» — «Отлегло чуток.
Ну, давай, подруга, иди...»

И она уйдёт, проскользнёт змеёй
В щель слегка открытой двери...
День пройдёт, и вновь вступишь в дом её,
Будет вновь о чём говорить...

Ночь

Стынет ночь...
Застеклённый балкон —
В серебре белоснежных узоров.
Тихо прочь
Улетает мой сон,
Как обрывки пустых разговоров.

Вот исчез...
Вот растаял в ночи,
Там, где звёзды мерцают в тумане.
Зимний бес
Мне в окошко стучит
И в безмолвие чёрное манит.

Там простор
На небесных полях.
Руки там превращаются в крылья!
Но, как вор,
Забирается страх,
Проникая невидимой пылью.

Пропадёшь! —
Шепчет, в ухо сопя.—
Рисковать, мол, не стоит напрасно.
Ни за грош
Ты погубишь себя —
Ведь мороз, и темно, и опасно.

Как же быть?
Так уютно в тепле —
Но до дрожи захочешь порою
Ощутить,
Что на этой земле
Не бревно ты, а нечто живое...

И взлететь
Над обжитым гнездом —
В темноту, бесконечность сминая...
Умереть —
И воскреснуть потом,
Эту странную ночь вспоминая...

По следам Агасфера

Глухая ночь...
и тьма...
Сойду с ума —
невмочь...
Земная жизнь —
тюрьма!
Ты не пророчь,
Кассандра, зла
неосторожно.
Земная жизнь
мой разум не спасла...
Диктую мозгу:
обесточь
скорее
всё, что можно,
иначе сложно
себе помочь
уйти в миры
не той игры,

что ныне жизнью
зовётся брэнной,—
уйти в миры,
где сокровенный
таится смысл
и мыслеформ,
и слов, и чисел...
Я на прокорм
тех горних сфер
бросаю душу...
Нет-нет,
не трушу —
ищу ответ,
как Агасфер,
в скитанье вечном
и в каждом встречном
Мессию вижу —
всё ближе
являет Он свой лик:

седой старик
в одном
исподнем,
с Крестом
Господним...
И душит крик,
сухую глотку
раздирая:
«Освободи
от пут коротких
земного рая!»
Прижму к груди
пресветлую ладонь,
прильну губами —
и запыхает пламя,
и времени
нарушит скоротечность...
Священный тот огонь
вратами явится
в иную вечность...

Белое и чёрное

Весна

Где-то радостно и звонко
Рассудачились синицы;
Лужа, радужною плёнкой
Глядя в небо, веселится.
В рот засунув палец грязный,
Хитро щурится ребёнок.
И, какой-то несуразный,
К небу тянется спросонок
Пожилой корявый тополь
У разбитой вдрызг дороги...
Голубь крошку хлеба слопал,
Нагло сунувшись под ноги.
Облака плывут далече —
Расхотелось небу плакать.
Просыпайся, человек,—
Новый день. Весна, однако...

Майским вечером

Тишина и покой. Только сосны
Шелестят в двух шагах от меня,
Да вдали вдохновенно и грозно
Лает псина. Вокруг ни огня.
Между сопок стоит пеленою
То ли дым, то ль туман — не понять,
И всю наступает войною
Комариная дружная рать.
Я сижу на крылечке, мечтаю,
Не вступаю с писклявыми в бой,
И истома по телу такая! —
Оттого что в ладах я с собой.
Всюду веет смолистым дурманом —
Я вдыхаю флюиды весны.
Спать иду ошалевшим и пьяным
И предчувствую вещи сны...

Жара

Лета знойного печами
Степь прожарена насквозь.
На ковёр из трав печальных
Солнце злое не лучами —
Жгучей смертью пролилось.

Степь лежит, не веря в чудо
Избавленья от огня,
В жуткой яви тпцась покуда
Тяжкой доли сбросить путы,
Словно с гордого коня.

Только в час, когда прохладу
Дарит тусклая луна,
Оживёт, безмерно рада,
Что угасло пламя ада,
Дикой мрачности полна...

* * *

Лес осенний дрожит в предвкушенье стриптиза:
Золотые одежды вот-вот упадут —
И от самого верха до самого низа
Обнажатся деревья, устроив салют

Из багровых и жёлтых кружащихся листьев.
Те попадают вниз, догорев до конца,
И заплачет вдруг осень небесною высью,
Капли слёз не стирая с земного лица.

И нахмурится осень, печальная осень,
С безалаберным ветром вздохнёт в унисон.
И друг друга о главном мы так и не спросим,
Отложив объясненья до лучших времён...

Осенний триптих

1. Сентябрь (рондель)

Когда приходит бабье лето
И в тишину впадает мир —
На благодатный этот пир
Гурьбой слетаются поэты.
И льются оды и сонеты
Под звук соскучившихся лир,
Когда приходит бабье лето
И в тишину впадает мир...
Душа, теплом его прогрета,
На волю рвётся из квартир —
Туда, где трепетный зефир*,
Где царство золота и света,—
Когда приходит бабье лето...

* Зефир (*трад.-поэт.*) — лёгкий, обычно тёплый ветерок.

2. Октябрь (риторнель)

Серость...

Небо — как будто бы слёз бесконечное море,
Словно природе их выплакать все захотелось.

Сырость...

Чавкает грязь под ногой монотонно-тягуче.

Где-то в душе стебелёк безнадежности вырос...

Жалость

Вместе с обидой на жизнь этот стебель питают.

Мнится, что в мире унылом тепла не осталось...

К чёрту!!!

С корнем зловредный сорняк из груди вырываю!

Хлынула свежая кровь, прочищая аорту.

Верю!

Верю назло непогоде в грядущую зиму —

Вижу за морем из слёз белоснежный мой берег —

Краем,

Только лишь краешком глаза, едва уловимо,—

В сладком предчувствии счастья себя растворяя...

**3. Ноябрь
(вилланель)**

Душа в предчувствиях застыла,
И разум словно занемог...
Ах, сколько раз всё это было!
Но вновь с неодолимой силой
Морозных дней приходит срок.
Душа в предчувствиях застыла...
Свой пыл унявшее светило
И первый утренний ледок —
Ах, сколько раз всё это было...
Зима в права почти вступила —
Без экивоков, подоплёк.
Душа в предчувствиях застыла —
И, очищаясь, всё простила —
Любой навет, любой упрёк.
Ах, сколько раз всё это было!..
Наполнив свежестью ветрила*,
Ноябрь на курс извечный лёг.
Душа в предчувствиях застыла...
Ах, сколько раз всё это было!..

* Ветрило (*трад.-поэт.*) — парус.

* * *

Я, наверное, лунатик —
Я гуляю по ночам...
Раздаю улыбки — нате! —
Кошкам, пьяным и бичам.

Осень листья рассыпает
По асфальту мостовых,
И луна, почти слепая,
С неба щурится на них.

Я иду по этим листьям...
Ночь... но светится лицо:
Жёлто-красным путь мне выстлав,
Ты пришла в конце концов —

Осень! Добрая подруга
Одинокости моей!
С каждым годом, с каждым кругом
Ты мне ближе и родней.

Дождь на улице, пль ветер,
Или грязный мокрый снег —
Я лицом всё так же светел,
Я — счастливый человек!

Осеннее

Желтеющий кружится лист —
Он пьян от хмельной свободы...
Звучит из динамиков Лист
Одной из своих рапсодий.

И город расквашенный пьян:
Шатаясь домами в лужах,
Подмигивает, хулиган,
И вальс с облаками кружит.

И люди по мостовым
Бегут, без вина дуря,
И тоже давно пьяны
Той влагой, что небо сеет.

Гуляет расхристанный мир!
Пусть льёт за кадык и ворот.
Осенний недолог пир —
Похмелье наступит скоро...

Прощальный танец

Планируют листья дружно
На землю сырую в парке...
Кому-то — лишь сор ненужный,
Кому-то — с небес подарки.
Уборщики их метлою
Сгребают в большие кучи —
Но падают листья роем
Всё яростнее и гуще.
И кружится над планетой
Дуэт желтизны с багрянцем,
И чудится грусть по лету
В осеннем прощальном танце.
Весь мир под собою прячут
Останки шатров зелёных,
А рядом беззвучно плачут
Деревья о пышных кронах...

Белое и чёрное

Медленно-медленно падает белое,
Падает белое тихо на чёрное...
Поздняя осень — женщина зрелая —
Грустно шагает походкой покорною.

Женщина зрелая, женщина мудрая,
Знает она, что грядёт неизбежное:
Скоро зима-старушенция пудрою
Всё позасыплет кругом белоснежною.

Стужей колючей по душам прокатится,
Окна украсит резными окладами.
Девушек юных открытые платица
Будут нас только по памяти радовать.

Ну а пока шелестят и прощаются
Листья опавшие и уцелевшие,
В чём-то неведомом миру покаяться
В летнюю пору, увы, не успевшие.

...Медленно-медленно падает белое...
Ветер бормочет фразы бессвязные...
Поздняя осень — женщина зрелая —
Слёзы-снежинки роняет на грязное...

Осень

Слёзы осенние — грустные дождики...
Капли вонзаются в землю, как звёзды.

Лужи от ветра покрыты морщинками —
Лето уходит, и прячем грустинку мы...

Голые ветви берёз за околицей
К небу протянуты — словно бы молятся.

Вот и ветра уж становятся зябкими,
Щели везде затыкаем мы тряпками.

Только в душе неуютно от холода —
Нам всё казалось, что мы ещё молоды.

Осень приходит всегда неожиданно —
Лето закончилось, книга прочитана...

* * *

Глаза у брошенных собак —
Как у людей.
В них стынут боль, тоска и страх —
Не трожь, не бей.

Непониманье в них стоит —
За что же так?
Как за детей, душа болит
За тех собак.

Ведь в верности — собачья суть,
Смысл жизни всей.
Предав однажды — не вернуть
Своих друзей.

Глаза собак такой укор
В себе таят,
Что трудно выдержать в упор
Собачий взгляд...

Собачья жизнь

Исповедь бродячего пса

Пронеслась и погасла комета...
Солнца луч затерялся меж сосен...
Отцвело безмятежное лето,
Наступает на горло мне осень...

Потихоньку, хвосты поджимая,
Псы бродячие ищут приюта.
Долго ждать им, беднякам, до мая,
И совсем не дожидаться кому-то...

Я — один из таких же гонимых,
Тех, что жаждут случайной подачки.
Но проносят желанное мимо,
За душой — ни еды, ни зачатки.

И, глотая слезу за слезою,
Еле слышно скуля в безнадёге,

Я бегу беспросветным изгоем
По чужой и враждебной дороге.

Уж не греет облезлая шкура
Неуютной осеннею ночью,
И дичает собачья натура,
На глазах превращаясь в волчью.

И, сбиваясь в голодные стаи,
За предательство мстим мы миру,
Липким страхом сердца терзая
Тем, кто в тёплых живёт квартирах.

Берегитесь же, сытые твари!
Безысходность рождает злобу.
Мы в промозглом ночном кошмаре
С ваших страхов снимаем пробу.

Упиваясь минутной властью, —
О, как сладостен миг расплаты! —
Мы кромсаем и рвём на части
То, что было святым когда-то...

...А наутро — по прежнему кругу:
Будет день, но не будет пищи,
И тоска по хозяину-другу
Вновь в душе уголок подыщет.

В сновиденьях своих собачьих
Сторожим мы жилища снова,
С детворою играем в мячик
И за палкой бежать готовы...

Но как только накроет вечер
Одеялом колючим город,
Снова страхом мы человеческим
Утоляем звериный голод,

Обнажаем клыки в оскале,
К голове прижимаем уши...

...И летят в неизвестные дали,
Пропадают собачьи души...

Қуқушқины слзқи

Кукушкины слёзки

Всё «ку-ку» да «ку-ку» — горлопанила долго кукушка,
Отмеряя другим их земной пребывания срок.
Но, к несчастью, лесник, что страдал
от похмелья в избушке,
Услыхал этот звук — и нажал, матерясь, на курок.

И заткнулась навек провозвестница «многая лета»,
Не успев досчитать чью-то меру беспутных годин...
А мораль такова: если знаешь чужие секреты,
Не распахивай клюв — будет шанс дотянуть до седин.

Всего лишь бизнес

Горшки не боги обжигают,
Планида смертных — ремесло...
Роль у богов совсем другая:
Держать в узде добро и зло,
Следить за шатким равновесьем,
Карать, прощать и награждать...
Зачем же в грязь земную лезть им,
Когда и в небе благодать?
...А людям в глине копошиться
Не привыкать. Но гончары
Всё сочиняют небылицы,
Согласно правилам игры,
Что, мол, горшок обжечь непросто
И вся такая лабуда...
Их осуждать не стоит, бросьте:
Всего лишь бизнес, господа!

Достроились...

Мы говорим на разных языках...
К. Бальмонт

Мы говорим на разных языках...
Всё началось с проклятой этой башни,
Когда, презрев пред Господом свой страх
И позабыв потоп позавчерашний,
Решились люди дерзость проявить —
Нашёлся свой у древних Церетели...
Но их самонадеянная прыть
Не помогла — достроить не успели...
Чем Вавилон аукнулся в веках —
Известно всем, кому доступно слово:
Мы говорим на разных языках
И не хотим понять один другого...

* * *

Эй, княже Олег, как ни был бы мудр ты и вещь,
Пошто же хамишь, пошто фулюганишь с отрядом?
Пришёл, наследил, испортил хорошую вещь,
Свой щит пригвоздив к красивым вратам Цареграда!

.....

Эх, русичи, всегда «без башни» мы —
И тем на всех наводим страх.
Очнувшись с бодуна вчерашнего,
Всё бьём чего-то на вратах...

* * *

Когда невежество развязно влезет в душу,
Топча подошвами по-хамски и плюясь,
Я точно знаю, что из принципа нарушу
Один из принципов: не пачкаться о мразь...

* * *

Ох, какая ж ты бываешь постылая,
Скука...
Мне с тобою — не житьё, а унылая
Мука.
Каждый борется со скукой по-своему,
Знамо.
У меня ж для битвы с нею не скроено
Знамя.
Раз за разом я терплю поражения —
Грустно.
Опускаюсь перед ней на колени я
Грузно.
Глянешь: с виду вроде мелочь пузатая,
Пакость...
А вот выкуси попробуй, проклятую,
Накось!
Заливаю свой конфликт с этой тварью я
Водкой.
Все справляются, лишь я — словно пария...
Вот как...

Монолог мыльного пузыря

Я мыльный пузырь: тхни — и лопну.
Красивый, прозрачный, живой.
К жильцам залетаю в раскрытые окна,
Детей забавляя собой.

На солнце я радужным блеском
Сверкаю, как ёлочный шар.
За мной с неподдельным следит интересом
Гуляющий праздно бульвар.

Я создан парить беззаботно.
Эх, жалко, что жизнь коротка!
Зачем же создателю было угодно
Мне тонкие выдуть бока?

Да эта печаль — не кручина:
Рискуют и более, но...
Что миру оставляю я после кончины?
Лишь мокрое место одно...

Грустные сны Дырявого Зонта

Дождь и дождь... дождь и дождь... льёт и льёт —
За окном... во дворе... во Вселенной...
Я ж свободен от этих забот —
Прохудился, увы, постепенно...

Много лет всей душою служил
Я хозяйке своей без обмана,
А теперь вот, дырявый, без сил,
Всё дремлю в тёмных недрах чулана.

Про меня позабыла она,
Променяла на новый, нарядный...
Мне же радость отныне одна —
Видеть сны о былом... Ну и ладно...

Знать, таков незавидный удел:
Только в сны и осталось мне верить...
...Снова осень, я молод и цел.
Снова в мир открываются двери!

Улыбаюсь я вновь сентябрю,
Раскрываясь, взлетаю, как чайка,
Над родной головою хозяйки —
И парю безмятежно, парю...

...Просыпаюсь... Реальность. Чулан.
Да, ушли те счастливые годы...
Ноет купол от дыр, как от ран,
Ломит спицы всюду в непогоду.

Где вы, звонкие капли дождя?
Где вы, отблески молний горячих?
Снами душу себе бередя,
Я бесшумно в углу своём плачу...

Атлант

Обрушилось небо на голову бедную,
На голову небо всей массой упало...
И жизнь, эту штуку, по-своему вредную,
Расплющило, словно болванку металла.

Ни визга, ни писка издать не успело
Громадою неба зажатое тело.

И только душа, окровавленным сгустком
Наверх продираясь, к желанной свободе,
Пробилась сквозь панцирь лазоревый с хрустом,
Дыру проломивши в небесной породе.

И — вырвалась! И оглянулась устало —
А тело внизу, на земле, погибало...

Повисло над миром уснувшим затменьё —
Без солнца, дождя, без зимы и без лета...
Взрыдала душа — и беспшумною тенью
Метнулась обратно к угасшей планете...

И в тело, до боли родное, влетела —
И вдруг распрямилось согнутое тело...

И руки, налившись чудовищной силой,
Подняли небесную твердь над собою.
Душа успокоилась. Тело застыло...
А небо навеки рассталось с землёю.

Похоже, что именно в это мгновенье
Случилось Атланта земное рожденье...

Ода русскому валенку

Россия издавна гордится —
Заметить надобно, не зря! —
И славной «огненной водицей»,
Что при морозах декабря
Весьма пользительна любому,
И «чёрным золотом», весомым
На рынках всех иных земель,
Матрёшкой яркою, ушанкой
И залихватскою тальянкой...
Да считаешь всё ужель?

В ряду предметов и явлений,
Символизирующих Русь,
Стоит по праву, вне сомнений,
И обувь наша... Не берусь
Сейчас витийствовать бесплодно
О том, что модно иль немодно,
Но факт, как водится, упрямя:
Давали предпочтенье россы
Подшитым валенкам в морозы,
А летом — лыковым лаптям.

О русский валенок — спаситель
Разнокалиберных ступней!
Любого дворника спросите:
Что в стужу может быть важней?
Изобретён простым народом,
Переживал ты с ним невзгоды,
Знавал лихие времена...
Но, даже стоя на пороге
Эпохи нанотехнологий,
Не предаёт тебя страна!

О валенок! Оплот державы,
Наидостойнейший предмет,
Народом признанный по праву,—
Да воспоёт тебя поэт!
Пусть для «европ» ты экзотичен,
Но нам удобен и привычен.
Я верю: всем врагам назло,
Грядущих зим заслышав поступь,
Ты вновь — без вычурности, просто,—
Отдашь нам всё своё тепло!

И пусть порой твоё название —
Синоним лоха и глупца,
Не принимай за наказание:
Не потерять тебе лица
От незаслуженных сравнений,
Любимец многих поколений!
Веков связующая нить
Твои упрочила подошвы.
К чему печалиться о прошлом?
Ты жил, ты жив, ты будешь жить!

Рассказы

Карма

Антону по жизни категорически не везло с транспортом. Вроде и парень был отнюдь не глупый, если не сказать больше. И в мир во всём мире верил абсолютно искренне. И в то, что до свадьбы с девушкой — ни-ни... Вот такой он был. Ну, это, в принципе, относится к семидесятым – восьмидесятым годам прошлого века. Хотя даже и тогда, собственно, подобное пуританство было чем-то из ряда вон выходящим.

Но Бог с ними, девушками и политическими убеждениями. Антону не везло перманентно именно с транспортом. С любым, движение которого было основано не на мускульной тяге водителя. И внешне это выражалось каждый раз очень даже ярко, если не сказать — назойливо.

В раннем детстве и подростковом периоде Антон управлялся с движущими человеческие организмы устройствами на ура, благо это были исключительно велосипеды: вначале совсем уж детские трёхколёсные, а затем и нормальные, начиная с «Пионера» и «Орлёнка»

и заканчивая «Камой» и «Уралом». Что самое обидное — Антон был, можно смело сказать, асом среди отроков своего заштанного пыльного городка в этом смысле: ездить мог и с завязанными глазами, и не держась за руль, и на одном заднем колесе — в общем, как угодно. Но вот беда: по мере взросления никак не желали поддаваться Антону «самобеглые коляски», то есть устройства с двигателями внутреннего сгорания.

Жил он в те благословенные времена в небольшом приволжском городке. Первый звоночек прозвенел, когда Антон после долгих уговоров сел за руль подержанного мопеда своего дворового товарища, который был старше его на чуть-чуть, но намного увереннее в части отношений с окружающим социумом. Короче говоря, это был отъявленный неформал, привыкший к повсеместному подчинению себе подобных и подавлению их изредка возникающих претензий на собственное мнение. Запомнив все инструкции гонористого хозяина мопеда и проехав метров пятьсот, Антон благополучно завалился в кювет и погнул раму драгоценного агрегата. Итогом рискованного опыта стали ярко сияющий синяк на бледном лице начинающего гонимого и отлучение на долгое время от услуг покровительства своего могущественного товарища перед

угрозами пацанов соседних недружественных районов городка. Дебют не удался.

Затем, где-то через пару лет, была попытка овладения управлением мощным трёхколёсным мотоциклом «Урал», принадлежащим вечно пьяному соседу по дому, с сыном которого Антон делил много лет все радости и лишения пацанской дворовой жизни. Попытка закончилась полным крахом при повороте на самом неудачном месте поляны, на которой всё действо и происходило,— поворот пришёлся на единственную на всей поляне сколько-нибудь значимую кочку, и мотоцикл завалился набок вместе с оседлавшим его всадником. Антон, благо был в шлеме, получил всего лишь двойной перелом правой руки и неподдельно-стойкое нежелание садиться в обозримом будущем за руль чего бы то ни было.

Однако прошло ещё несколько лет, Антон благополучно закончил школу, поступил в институт в областном центре, а батя его аккурат в этот момент прикупил себе по случаю подержанный «Запорожец». И, естественно, Антоха в первый же приезд домой на зимние каникулы не утерпел и буквально вынудил отца заняться его, Антона, обучением водительскому мастерству. Дом, где обитала их семья, находился на самой

окраине городка, сразу за домом тянулась лесополоса, называемая местными «посадкой», в полукилометре от неё проходила трасса, а между ними был огромный пустырь. Вот там-то наш герой и впитывал азы вождения. Насилюя безбожно двигатель рывками и дёрганьями, после чего тот с поразительным упрямством глох, он всё же с горем пополам научился трогаться с места. Воодушевлённый парнишка уехал продолжать грызть гранит науки, с нетерпением предвкушая свои будущие автоподвиги через полгода, летом.

И «подвиг» летом состоялся-таки в полной мере. Покатавшись пару дней всё по тому же пустырю, Антон окончательно уверовал в то, что преодолел наконец свои автокомплексы. Тут его родителям приспичило зачем-то ехать в деревню, прикупить кое-каких экологичных продуктов. Уселись всей семьёй: отец за рулём, мать, Антон и его младший братишка. Выехали на трассу. Машин было немного, катили в своё удовольствие, с ветерком, насколько это было возможно, учитывая марку железного коня. И, разумеется, через какое-то время Антон не утерпел и стал просить отца поменяться местами. На свою беду, родитель уступил просьбам наследника, и тот, млея от значимости момента, сел за баранку и дал по газам. Душа пела и ликовала

от избытка чувств, в голове шумел и бурлил океан неподдельного счастья... И вдруг этот шум неожиданно перекрыл крик отца: «Нам направо! Сворачивай!» Антон инстинктивно дёрнул руль вправо и ожидаемо не вписался в поворот, вывернув на встречную полосу. По которой неторопливо подкатывал к трассе этакий не слишком и большой грузовичок с буквами «МАЗ» на радиаторе.

В общем, лобового столкновения избежать не удалось. Когда «Запорожец», прокрутившись несколько раз «вертолётником», замер наконец метрах в тридцати от дороги, наш лихач, уткнувшись расквашенным лицом в руль, но не потеряв сознания, думал только об одном: что там, на заднем сиденье? Однако, слава Богу, обошлось: семейство отделалось синяками и ушибами, да ещё тяжёлым испугом. А вот семейному транспортному средству повезло намного меньше: носовая часть «запора» оказалась разбитой всмятку и восстановлению не подлежала. Так закончилась ещё одна попытка молодого человека приобщить себя к вожделенному званию «водитель».

Прошло ещё несколько лет. Антон окончил вуз, женился и уехал работать по специальности в далёкую Сибирь. Несколько раз он ещё пытался переломить судьбу

и сесть за руль, обращаясь с просьбами к своим «омашиненным» друзьям и коллегам, однако все эти потуги заканчивались одинаково плачевно. На безлюдных и пустынных дорогах получалось ещё куда ни шло, однако стоило только показаться встречной машине либо пешеходу, пусть даже и на тротуаре, как внутри парня как будто щёлкал какой-то переключатель, ноги с руками приходили в полную асинхронность и неповиновение, и автомобиль, подёргавшись, благополучно глох. Сказывалась, видно, подсознательно память о той давней семейной поездке. Поэтому через некоторое время Антон махнул рукой на это дело и решил для себя, что, видать, такая уж у него планида — оставаться «безлошадным».

Казалось бы, теперь можно вздохнуть с облегчением и жить дальше легко и свободно. Ага, как бы не так! После того, как мысли о рулевом колесе были твёрдо изъяты из черепной коробки, с Антоном начала происходить какая-то поистине чертовщина уже в качестве обычного пассажира и даже пешехода.

Например, как-то утром, по пути на работу, Антон уселся в автобусе на место, расположенное над задним левым колесом. Проехав около километра, автобус вдруг подскочил своей задней частью, раздался жуткий скрежет, народ повалился друг на друга, а Антон успел

увидеть в окно что-то чёрное и стремительное. Оказалось, ни много ни мало, заднему колесу надоело катиться под тяжестью заполненного автобуса, оно отвалилось и на скорости упылило вперёд в автономном режиме. Разумеется, это было то самое колесо, над которым сидел наш герой.

Или, к примеру, стоял он как-то на остановке в центре города, курил и мирно ждал нужный автобус. Далее к остановке подкатывает на приличной скорости троллейбус, резко тормозит, от него бодро отваливается уже переднее правое колесо и летит... ну разумеется, прямо на Антона, сбивая того с ног.

Однажды пришлось Антону по неотложному делу добираться до дому на такси, что он вообще в своей жизни делал исключительно редко. Добрались абсолютно нормально. Но при выходе из машины Антон умудрился вместо ручки открывания дверцы ухватиться за ту, которая опускает стекло. Пришлось двигаться к дому ускоренным шагом с зажатой в руке отломанной ручкой, и долго ещё он слышал за спиной малоцензурные стенания таксиста.

Кстати, этих отломанных ручек, сломанных боковых стёкол, зеркал и «дворников» на совести Антона было немало: почти все его друзья и знакомые,

владевшие автомобилями и имевшие неосторожную любезность куда-либо его подвозить, с этим «талантом» Антона сталкивались. И смешно вроде бы, и курьёзно, с одной стороны, но поскольку подобная мистика происходила с Антошкой с неизменной регулярностью, даже самые близкие его друзья-автолюбители начинали с опаской обходить его стороной при потенциальной вероятности попутного маршрута.

Апофеозом же сих печальных событий стала деловая поездка Антона с начальником на его «Волге». Шеф Антона был автолюбитель заядлый и с солидным безаварийным стажем. Ни в какие приметы он не верил, а посему со спокойной душой посадил в машину Антона и ещё троих сослуживцев, сплюнул, сел за руль, и «Волга» величественно тронулась с места. Антон сидел на заднем сиденье слева, в салоне было весело, народ шутил и травил анекдоты. И вдруг на одной из оживлённых городских улиц все встречные водители начали сигналить шефу Антона и махать руками, на что-то показывая. Начальник орал им в окно, не понимая, что от него хотят, затем оглянулся назад, побелел и тут же заглушил двигатель. Оказывается, несколько сотен метров они проехали с вывалившейся наполовину задней полуосью с колесом... правильно, именно со стороны,

где сидел Антоха. Дальнейшее обсуждение этого происшествия его участниками воспроизведению в печатном виде не подлежит...

Закончилась вся эта чёрная полоса у Антона довольно обыденно. Когда он понял, что это уже край, и дальше могут быть жертвы, он вдруг вспомнил известную русскую поговорку насчёт клиньев и решил: от непонятого и таинственного надо попытаться избавиться таким же непонятым и таинственным. Короче, пошёл он просто-напросто в церковь, поставил свечку перед иконой святого Христофора, помолился как мог... И, как ни странно, все автомобильные недоразумения и страсти исчезли из его жизни напрочь.

Вот так. Как писал классик, всего и делов-то...

Сожители

День начинался как обычно...

Нет фразы банальнее для начала повествования. Но ведь довольно часто некие из ряда вон выходящие события происходят в дни, начинающиеся как обычно. Как говорится, ничто не предвещало и тому подобное.

Здесь надобно пояснить, что несколько последних лет я проживаю в приватизированной комнатухе одной из общаг крупного сибирского города на Енисее, куда перебрался после, естественно, развода. Бытие в подобном статусе характеризовалось в моём случае выраженной многополярностью ощущений. С одной стороны — перманентная эйфория от полнейшей свободы. С другой — бытовые неудобства, вполне понятные для мужчины, прожившего в браке не одно десятилетие, и выражающиеся в мучениях по поводу готовки, стирки, уборки и так далее. С третьей — нежданно-негаданно проявившиеся признаки состояния психики, именуемого «депрессняком», когда от чувства непреодолимого

одинокости начинаешь выть волком, и отнюдь не в переносном смысле, поскольку накатывает время от времени глухая, леденящая душу тоска. Однако вернуться к теме повествования.

Итак, ничем не примечательный летний сибирский день начинался вполне себе обычно. Проснувшись и заварив крепчайшего чаю, я наскоро умылся, соорудил бутерброд и уселся за комп, дабы за завтраком ознакомиться в Интернете с последними новостями, а заодно и пооткрывать все необходимые для работы папки и файлы. Работаю я, в силу ряда причин, на дому.

К середине дня организм, слегка притомившись, потребовал некоего освежающего стимула, и я, подчиняясь внутреннему зову, потелепал в каморку, служащую мне умывальником, туалетом и мойкой для посуды — три в одном. Сполоснув лицо и затылок холодной водой из-под крана, я взял полотенце и машинально оглядел девственно чистые, не тронутые никакими средствами сокрытия дефектов стены вышеупомянутой каморки.

И вдруг краешек глаза зацепился за непривычное... Слева от висящего над раковиной круглого зеркала растопырилось тёмно-коричневое пятно. Да нет,

не пятно даже — пятнышко, размером со спичечную головку. Природными органами зрения разглядеть и идентифицировать сие чужеродное образование мне было явно не под силу, и я метнулся в комнату за очками. Привычным движением нацепив их на нос, я вновь вперился в кусок стены, вызвавший мой неподдельный интерес.

— Бли-инн!..— непроизвольно вырвался из моих уст широко известный в народе эвфемизм.

Как оказалось, на стене отдыхало — судя по всему, после трудов праведных,— некое насекомое. Оно лениво пошевеливало лапками и, казалось, едва ли не зевало. Насекомое было мне неизвестно. Не таракан, не муха, не комар, даже не уховёртка (часто ошибочно называемая в народе двухвосткой). Тельце плоское, как у клеща,— но точно не клещ: с этой-то фауной да не быть знакомым, живя в Сибири!

Короче, далее заморачиваться я не стал, а поступил просто и совершенно не романтично: снял тапок с левой ноги и — бац по тельцу! Размазались, горемычные, далеко не эстетично по моей девственнице-стенке.

Взгрустнула, чего греха таить, душа моя по убиенной твари, но ненадолго. Мало ли мы в летние месяцы

тех же комаров жизни их, и без того короткой, лишаем, бия себя ладонями по всем частям тела и не задумываясь над страшным грехом смертоубийства? Наоборот, ещё и облегчение какое-то испытываем. Вот и я, почувствовав после кратковременного погрустнения это самое облегчение — очистил-де от посторонних кровную территорию,— продолжил свою обыденную жизнь как ни в чём не бывало. Да только это был, как оказалось, всего лишь цветочек. Если бы я знал, в какую ягоду, точнее — ягоды, он выродится...

Примерно через неделю произошло аналогичное событие. И ещё через неделю. А потом...

...Сон был длинный, беспокойный и тягучий, как хорошо разжёванная приска. Я бродил в развалинах какого-то мрачного города, ища нечто, от чего зависела моя жизнь (но что именно — слабо представлял даже во сне). Бродил долго и упорно, пока непонятным образом не оказался в каком-то подвале, смахивающем на подземелье. Что уж там такое мне померещилось — сейчас не помню, но от увиденного по телу поползли мурашки, да так явственно, что я внезапно проснулся.

Чур меня! Я вдруг почувствовал, что эти мурашки ползут по мне и наяву. Истерично хлопая себя по телу,

вскочил и рванул к выключателю. Мама рóдная! На груди — кровавое пятно, а по подушке драпает к её краю парочка тех же самых плоских тварей. Добежать они не успели, моя реакция оказалась на высоте, в результате чего белая наволочка приобрела броское украшение в виде двух красных клякс.

И тут вдруг во мне смутно начала пробуждаться родовая память предков, а также нечёткие, смазанные воспоминания глубокого сопливого детства, связанные в основном с висевшим на стене родительского дома ковром. Чтобы проверить неожиданно озарившее меня наитие, кинулся к излюбленной палочке-выручалочке — компу. Включив, лихорадочно залез в интернет-поисковик и набрал простое русское четырёхбуквенное слово. Моментально открывшиеся сотни изображений не оставили никаких сомнений: моё жилище подверглось нападению клопов, о которых я и думать-то забыл где-то с пяти-шестилетнего возраста и которые с тех пригнопамятных времён не попадались мне на глаза ни единого разу.

Какое-то очень уж нехорошее, до дурноты и икоты, предчувствие с неотвратимой неизбежностью заползало в пищевод, заставляя сжиматься в конвульсиях

желудок — наподобие резинового мячика в кулаке энтузиаста, тренирующего силу своих пальцев.

Отлипнув от монитора, я попытался стянуть нервы в узел и для начала стал убеждать себя в том, что это случаи единичные и всё поправимо. Однако же, заглянув в недра дивана, застыл и похолодел, будто сосиска в морозилке. Жизнь клопная кипела и кипела во всём её многообразии: весело скакал молодежь; чинно, словно джентльмены восемнадцатого века по бульвару, прохаживались по рёбрам и граням диванного каркаса зрелые особи; бодро ковыляло крепкое старичье. Причём, что характерно, на меня эти сволочи не реагировали никак. И это невзирая на то, что именно я был их сырьевым придатком, обеспечивающим увиденное мною благоденствие.

И вот тут-то я едва ли не впервые в жизни ощутил на себе, что такое паника. Тоскливая и безнадёжная. И как чувствует себя человек в оккупированной зоне. Один. Среди чужих. Которых тьмы и тьмы. Не поверите: захотелось даже укрыться чем-нибудь с головой и забиться в рыданиях, как бывало в том же сопливом детстве. Даже слабость какая-то противная в ногах появилась.

Однако всем известно, что время лечит, и по прошествии десяти минут паника и тоска уступили место

внезапно нахлынувшей ярости. Поначалу ярость была тихой, но с каждым скачком секундной стрелки на часах её накал увеличивался в геометрической прогрессии.

Естественно, это не могло привести ни к чему хорошему. Для меня. И, разумеется, первый предпринятый мною в таком состоянии шаг оказался в корне неверным: я стащил с ноги шлёпанец и, покрывая всё окружающее пространство звуками самой наитягчайшей обценной лексики, которая только имеет место быть в «великом и могучем», начал колошматить по всем внутренностям моего многострадального холостяцкого ложа. Успокоился лишь тогда, когда в зоне видимости не осталось ни единого движущегося организма, а весь каркас дивана покрывали красно-коричневые следы — последствия сей неконтролируемой вспышки.

Переведя дух и уняв дрожание рук, с чувством выполненного долга улёгся досыпать остаток этой кошмарной ночи. Впрочем, сразу это сделать не удалось: какое-то время возбуждённый мозг пытался понять причины постигшей меня катастрофы. Надо заметить, что за всё предыдущее время моего проживания на данной жилплощади не было даже намёка на нечто подобное. Что же, в конце концов, произошло? Логика подсказывала три варианта: а) кто-либо из соседей провёл

дезинсекцию, и племя кровопийц мигрировало на новые пастбища; б) глобальное нападение клопов на город; в) непредсказуемая случайность, в эпицентре которой оказалась моя скромная персона. Так и не сумев склонить чашу весов в пользу какой-либо из версий, я погрузился в объятия дядюшки Морфея.

Весь следующий день прошёл относительно спокойно, не считая того, что я периодически заглядывал под диван на предмет обнаружения недругов. Однако всё было тихо, и я даже начал было успокаиваться на этот счёт. В этот день работы было много, и я не заметил, как подкрался вечер и перетёк в глухую и тёмную ночь. Когда обнаружил, что засыпаю за монитором и тычусь носом в клавиатуру, поднялся из-за стола, предвкушая изрядную порцию здорового сна. Вдруг вспомнил о событиях прошлой ночи и решил напоследок ещё раз проверить поддиванную обстановку. Поднял его сиденье — и все мечты о грядущем сне в один момент бесследно развеялись, а в груди безнадёжно-тоскиво заняла в глубоком миноре невесть откуда взявшаяся там струна...

Поголовье этих тварей явно увеличилось, и перемещались они по своим неотложным делам с утренней энергией. Почему-то невольно вспомнился

эпизод из прочитанной в детстве книжки Джерома Клапки Джерома «Как мы писали роман», где описывал он попытку избавления жилища от тараканов с помощью рецепта тётушки его друга. Тараканы с радостью жрали рекомендованное тётушкой средство, но умирать в мучениях и не думали, а наоборот, жирели и лоснились, и более того — чем больше раскладывал герой по всем углам этого средства, тем большее количество тараканов со всей округи стекалось к его дому. Жертвой травли стала одна-единственная особь, пытавшаяся уволочь особенно большую порцию яда и растерзанная за такую наглость своими сородичами.

Короче говоря, я с пугающей неизбежностью осознал, что сожители мои решили обосноваться всерьёз и надолго и что вариант механического умерщвления их в упор не колышет, а только добавляет жизненных сил, агрессии, упорства и желания размножаться...

...Третьи сутки не мог я ни спать, ни есть, ни работать и только лишь, не отрываясь, сидел в Интернете и как чумной искал и изучал способы «зачистки территории» от свалившейся напасти в лице плоских

коричневых выродков. Господи, чего я только не начитался за это время! А проще сказать — я узнал о клопах практически всё: их строение, историю вида, ареалы распространения, способы размножения, методы борьбы... Особенно пристальное внимание, разумеется, уделял последнему. Но именно в такой животрепещущей и злободневной области меня поджидало одно разочарование за другим.

Всяческие дусты и дихлофосы я отверг сразу и бесповоротно, ибо далеко не всё ещё, что в этой брэнной жизни мне было предназначено, я успел совершить, и перспектива отойти в мир иной за компанию с кровососами, пусть даже я и делил с ними общее ложе, меня почему-то совершенно не прельщала.

Вызов на дом «специально обученных товарищей» из соответствующих контор также энтузиазма не добавлял: во-первых, на тот период времени я испытывал определённые финансовые затруднения, а «обученные товарищи» альтруизмом явно не страдали; а во-вторых, из вычитанного выходило, что пришлось бы на несколько дней искать пристанище на стороне, что меня также категорически не устраивало из-за потери рабочего места; кое-где даже писали, что обработка может занять до месяца. На фиг, на фиг...

Ещё были народные средства. Этот приобретённый раздел знаний изрядно меня позабавил. Как только не изгалялся во все времена и не изгаляется донныне народ наш смекалистый над несчастными клопиками! И всяческой травой пахучей страждущие избавления их забрасывают, и на мороз лютый мебель, оккупированную вредителями, выносят, и разными керосинами-скипидарами поливают... Казалось бы, бери на вооружение и действуй. Но, к собственному удивлению, моя персона оказалась в этом вопросе на редкость капризной. В изгоняющую силу травы, учитывая степень заселённости холостяцкого ложа, я не поверил. Керосины-скипидары понятия не имел где добыть, да и запах опять же... Мороз в разгар лета тоже организовать было весьма проблематично.

Однако среди прочего обнаружил я наконец-то и средство-изюминку, подходящее мне по всем статьям. Использовалось оно в старину в некоторых деревнях. Ни вони тебе, ни ядовитых паров, ни финансовых затрат. А действие практически мгновенное. Суть в том, что когда в избе заводились нежелательные гости, семейство отлавливало одного клопа пожирнее, водружало его на чистый стол посередине комнаты и располагалось в полном составе вокруг этого стола. Затем

все собравшиеся дружно начинали хохотать над этим клопом, показывать на него пальцами, громко материть и поносить вражину на чём свет стоит. Считалось, что остальные клопы, не вынеся подобных издевательств и унижений, оскорблённые в лучших своих клопичьих чувствах, тотчас же спешно покинут такое жилище и его неблагодарных жильцов.

То-то же я обрадовался! Вот это дело как раз для меня, ибо лень-матушку никто не отменял. Изловил одного и проделал всё то, что требовалось.

— Тэкс-тэкс, дружище,— произнёс «с чувством глубокого удовлетворения» и стал ждать.

Но то ли клопы мне попались с полнейшим отсутствием чувства собственного достоинства, то ли сказалося то, что воздействовать на испытуемого хором со всех сторон я не мог физически,— короче, ни малейшего эффекта на энергичных сожителей мои потуги не произвели.

Так бы, наверное, и погиб я во цвете лет от безысходности и еженощной кровопотери, если бы не случившееся вскорости одно странное обстоятельство.

...Это не могло быть сном, настолько чётким и запоминающимся было всё происходящее. «Но это не

может быть и явью»,— сопротивлялся я, тщетно пытаюсь ущипнуть себя за какую-либо часть тела. Однако руки не желали повиноваться хозяину... Это была, скорее, некая фантазмагория.

Нас было двое, и мы сидели тет-а-тет за круглым журнальным столиком в моей комнате. Я — и огромный, величиной почти с меня, клоп. И мы беседовали. Ну, разумеется, не в словесной форме, а телепатически, что ли. Ментально. Общались, если можно так выразиться, мыслеформами.

Клоп-гигант был дружелюбен, спокоен и печален. По его... гм... лицу? морде?.. я, конечно, видеть этого не мог. Но абсолютно точно это чувствовал. И мысленный его голос был бесконечно грустен.

«...И вот, как ты понимаешь,— продолжал он,— обычные насекомые сами по себе ни мыслить, ни чувствовать побуждения чужой души не в состоянии. Но ты наверняка слышал о том, что существует так называемый коллективный разум насекомых. Люди приписывают его наличие, в частности, муравьям, пчёлам и так далее. Однако они слегка заблуждаются, подразумевая под этим понятием лишь разделение труда и телепатическую согласованность в выполнении одних и тех же действий. Когда нас много и

мы вместе, мы не только понимаем, что нужно делать каждому из нас. Мы ещё и улавливаем биотоки извне, особенно биотоки человеческого сердца и мозга, поскольку именно у человека, существа разумного и духовного, они наиболее сильны, особенно в моменты наивысшего душевного потрясения либо отчаяния. Ты был одинок, и это твоё отчаяние от одиночества, твоя тоска буквально пронизывали всё пространство вокруг тебя. Мы услышали. И мы всего лишь хотели помочь тебе, человек. Дать почувствовать, что ты не один в своём жилище, в этом мире. Но мощи нашего эрегора не хватило для тебя, он оказался слишком слаб для человеческого восприятия. Ты не услышал нас — и ступил на тропу войны с нами. Поэтому мы уходим. Наверное, человеческую судьбу, в конечном счёте, может и должен определять только сам человек. В крайнем случае — вкупе с себе подобными. Прощай...»

Очнувшись, я ощутил нечто давно забытое и щемящее, некий дискомфорт на своём лице. Подошёл к зеркалу и увидел две влажных дорожки на щеках. Слезы... Подобного со мной не случалось с дошкольных времён. Не веря в то, чему только что был свидетелем, заглянул

Андрей Леонтьев

внутри дивана. Там было чисто, пусто и одиноко. Они действительно ушли...

Вздохнув и почувствовав в груди лёгкость и одновременно какую-то виноватость, я умылся, приготовил кофе и приступил к дальнейшему определению своей судьбы. Собственными силами...

Содержание

<i>М. Саввиных. Исповедь менестреля</i>	3
<i>Г. Зеленкина. «Я на мир этот странный всего лишь пришёл посмотреть...»</i>	7
<i>Внутренний храм</i>	
«Я на мир этот странный всего лишь пришёл посмотреть...»	15
«Когда вдруг однажды — случайно, внепланово...»	16
«Запрягли, помолнились, поехали...»	18
«Беззастенчиво и бесстрашно...»	20
Подсмотренное	22
Слепой старик	24
«Не прогнать, не рассеять тоску по наивным годам...»	25
К чертям	26
«В непрерывной сумятице мелких и суетных дел...»	27
«Столько лет растил невозмутимость...»	28
«Капает с карнизов крыш водица...»	29
Одни из нас	30
Оглянись	32
И воздастся	33
Он хотел	34
«Не секи меня розгами, время...»	36
Часы	37
«День и ночь, свет и тьма...»	38

«Под небесами голубыми...»	39
«Как шёлковую ткань в отверстие кольца...»	40
Керосиновая лампа	41
Зазеркалье	42
Капля	44
Полёт	45
«Исполнен юного задора...»	46

Последние менестрели

Последние менестрели	49
«...Он умрёт в крещенские морозы...»	50
«Острым длинным носом...»	52
«Уходят поэты, уходят писатели...»	54
Сомневающемуся	55
На переправе	56
«Отпрохотали бури междометий...»	57
Не мой монолог	58
О Хайяме	60
«Ушёл в бессмертие поэт...»	61
Бабочка	62
«Время нынче прагматичное до ужаса...»	64
Судбина	66
Жестокий век	67
Маргарита	68
Поэт и художник	69
«Вот и ты, мой друг, прорвался в зрелость...»	70

Хрустальный мост

«Пусть грязное снежное крошево...»	73
Рейнкарнация	74

«И виски в серебре, и года в серебре...»	76
«Из принципа блюдем мы моратории...»	77
«Любовь к тебе дана мне в наказание...»	78
Нелюбовь	79
Я вернулся	80
«Счастливцев тот, кто, шелуху провеяв...»	81
«Лунная соната»	82
«Порой насмешкой отвечают на любовь...»	83
О любви	84

Дверь во тьму

Настроение	87
Операция	88
Реанимационное	90
Сгинул...	92
«Злое бросаю слово...»	94
«Не хватает солнца, не хватает...»	95
«Зноем стали тела их плавило...»	96
Солдаты	98
«Взорвался мир! Горячие осколки...»	100
«Сколько лишних движений...»	102

Блики давнишних зеркал

Друзьям	105
Старая липа	106
«Эх, Сибирь — бесконечность сосен...»	108
Мама	110
Отцу	112
У порога	114
«Когда ты смотришь в око бездны...»	116

Пасхальное	118
Родительский день	119
Город детства	120
Ностальгия	122

Сминая бесконечность

Подруга-ночь	127
Ночь	128
По следам Агасфера	130

Белое и чёрное

Весна	135
Майским вечером	136
«Лес осенний дрожит в предвкушенье стриптиза...»	138
Осенний триптих	
1. Сентябрь	139
2. Октябрь	140
3. Ноябрь	141
«Я, наверное, лунатик...»	142
Осеннее	144
Прощальный танец	145
Белое и чёрное	146
Осень	148
«Глаза у брошенных собак...»	149
Собачья жизнь	150

Кукушкины слёзки

Кукушкины слёзки	155
Всего лишь бизнес	156
Достроились	157

«Эй, княже Олег, как ни был бы мудр ты и вещь...»	158
«Когда невежество развязно влезет в душу...»	159
«Ох, какая ж ты бываешь постылая...»	160
Монолог мыльного пузыря	161
Грустные сны Дырявого Зонта	162
Атлант	164
Ода русскому валенку	166

Рассказы

Карма	171
Сожители	180

Андрей Васильевич Леонтьев родился 13 февраля 1961 года в Александровске Пермской области. Школьные годы провёл в Поволжье, в Саратовской области. В 1984 году окончил радиотехнический факультет Куйбышевского авиационного института. В Красноярске — с 1986 года. Автор книг стихов «Между явью и сном», «Голос жизни». Публиковался в журналах и альманахах «День и ночь», «Енисей», «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Приокские зори» (Тула), «Стрежень» (Тольятти), «Гостиный Двор» (Оренбург), «Южная звезда» (Ставрополь), «Истоки» (Н.-Ингаш), «Симбирск» (Ульяновск), «Новая Немига литературная» (Минск, Беларусь), «Соотечественник» (Берген, Норвегия), международных интернет-изданиях «Подлинник», «Лексикон», «Литературная Губерния», многочисленных антологиях и коллективных сборниках. Член Союза писателей России. Живёт в Красноярске.

Литературно-художественное издание

Леонтьев Андрей Васильевич

ПОСЛЕДНИЕ МЕНЕСТРЕЛИ

Стихи, рассказы

Компьютерная вёрстка: *Леонтьев А. В.*

Сдано в набор 11.01.2016 г. Подписано в печать 26.01.2016 г.
Формат 70x108 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура Garamond.

Печать ризографическая. Усл. печ. л. 8,75.

Тираж 200 экз. Заказ № 81.

Изготовлено в типографии ИП Феньков С. С.

ОГРН 304246333500051, 660049, Россия,

г. Красноярск, ул. Урицкого, 117

Тел. (391) 294-85-78, 214-28-68; факс (391) 229-53-54

E-mail: info@semycvet.ru

Официальный сайт: <http://www.semycvet.ru>